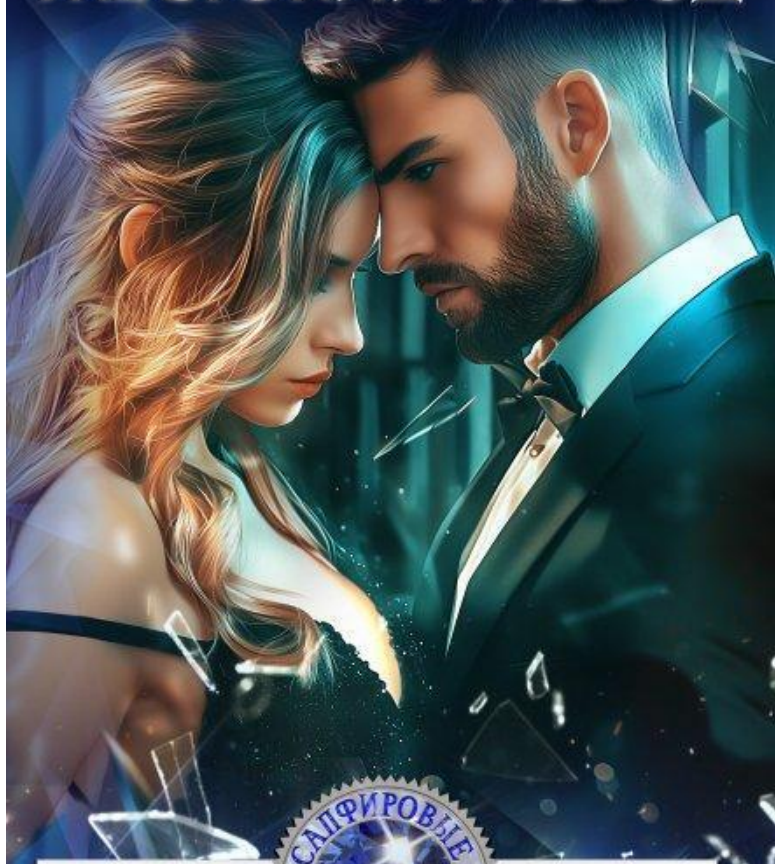

ЖЕСТОКИЙ РАЗВОД

ДИАНА

РЫМАРЬ

Диана Рымарь

Жестокий развод

<https://litres.ru/74203349>

Аннотация

- Нам нужно развестись. Так сказал мой муж, придя однажды домой. И причина у него нашлась достойная – я все никак не радую его детьми. Не беременею, бракованная, с изъяном, гнать меня надо поганой метлой. Я умылась слезами и согласилась на развод, а потом узнала настоящую причину, почему муж решил развестись. У него есть беременная любовница. Позже выяснилось, что я тоже беременна. ♥# Однотомник. ХЭ

Содержание

Глава 1. Нам нужно развестись	4
Глава 2. Как она узнала	12
Глава 3. Что она сделала	17
Глава 4. Как он там	22
Глава 5. Во что она превратила дом	26
Глава 6. Она больше не его забота	34
Глава 7. Твою мать!	40
Глава 8. Новое и старое	50
Глава 9. Где Катя?	63
Глава 10. Оккупант	77
Глава 11. Твердый как камень	86
Глава 12. Новые правила игры	99
Глава 13. Соленые огурцы	103
Глава 14. Зашибись	111
Глава 15. (Не) кричи	119
Глава 16. (Не) могу потерять	124
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Глава 1. Нам нужно развестись

Беременная любовница — к худу.

Диана Рымарь

Глава 1. Нам нужно развестись

Катя

— Нам нужно развестись, — говорит муж.

Он ставит локти на стол, сцепляет руки в замок и впечатывает в меня тяжелый взгляд.

Еще секунду назад я хотела бежать на кухню выключить духовку, в которой вот уже три часа томится нежнейшая утка а-ля Катя. Теперь я напрочь про нее забываю.

Оседаю на стул рядом с мужем.

Издаю нервный смешок, спрашиваю:

— Даниэль, шутишь?

— Похоже, что я смеюсь? — спрашивает он с серьезным видом.

Вообще-то, непохоже.

Мой не в меру серьезный муж сейчас выглядит даже строже обычного. Сидит себе в своем деловом костюме, весь такой большой и важный. Будто не в собственной гостиной за

столом, а в офисе на зубодробительном совещании. Черными глазами сверкает, будто сжечь меня хочет. Черные брови сведены у переносицы, губы плотно сжаты.

Определенно не выглядит шутником, а впрочем, никогда им и не был. Это я у нас в семье больше по юмору, развлечениям и прочему. Что с меня взять, блондинка, как говорят его родители.

А все-таки лучше бы он сейчас шутил.

— Даниэль, что случилось? — Не выдерживаю молчаливого прессинга, нервно тереблю белую прядь волос, заплетенных в косу набок.

— Так дальше продолжаться не может, — чеканит он.

— Как — так? — Я все еще не понимаю.

Мы, вообще-то, нормально живем.

У нас дом в пригороде, уют, любовь.

Мы любим друг друга!

Я люблю...

Даниэль шумно вздыхает, объясняет:

— Когда я брал тебя в жены, ты дала мне обещание, которого не сдержала.

Чувствую, как внутри все обжигает кипятком. Спешно соображаю, что могла сделать не так, где накосячить. Могла ли вообще так накосячить, чтобы он решил развестись. Я же ничего плохого не делала. Да я вообще не знаю, что можно такого сделать, чтобы муж вот так с лету...

— Какое обещание? — Все еще не понимаю.

И тут он прибывает меня к плинтусу:

— Родить мне детей, Катя. Четыре года назад, когда я брал тебя в жены, ты обещала родить минимум двоих детей. Это было четко обговорено!

Копаясь в памяти...

Да, было такое.

Отлично помню, как мы с ним обнимались, счастливые, ночью на пляже в Геленджике. Как Даниэль аккуратно отодрал кружочек от пластиковой пробки из-под колы, которую мы пили. Надел мне этот кружочек на палец и сделал предложение.

«Выходи за меня, Катенька, люблю тебя больше жизни!»

Никаких шуток, так и сказал.

А потом добавил: «Обещай, что родишь мне минимум двоих детей!»

Я была такая счастливая, что могла бы этим счастьем осветить полгорода. Разумеется, согласилась, кивала ему: «Да, милый, я обязательно рожу тебе детей!»

А что еще ему могла сказать двадцатилетняя дуреха, по уши в него влюбленная? Нет, Даниэль, давай сначала проверимся на фертильность?

Я тогда была готова родить ему целую футбольную команду. Да и вообще сделать все что угодно. Что бы он ни попросил.

После этого было много всего.

Золотое кольцо с сапфиром, знакомство с родителями,

свадьба, покупка квартиры, а затем и дома, в котором мы сейчас живем.

Первый год мы просто ни о чем не думали, занимались любовью по тридцать раз в неделю, дышать друг без друга не могли. Нам никто не был нужен.

На втором году нашей семейной жизни Даниэль стал работать в торговой фирме отца и уделял мне меньше внимания. Непрозрачно намекал, что пора бы. Я заканчивала университет и очень старалась забеременеть. Ловила овуляцию, перешла на здоровое питание и прочее и прочее. И все никак. Еще один год насмарку в плане зачатия.

Потом пошли медицинские обследования. Выяснилось, что мое застарелое воспаление по-женски имело очень нехорошие последствия, и мне нужно долго-упорно лечиться.

Я лечилась.

Очень старательно.

На самом деле вот только недавно закончила курс, после которого врачи пообещали, что беременность наступит без проблем. Но месячные пришли вовремя.

— Ну так я же... — начинаю лепетать, чувствуя, как подступают слезы. — Я же вот только отлечилась. Еще немножко подождать, и...

— Я устал ждать, Катя, — отрезает он мои слабые попытки продлить агонию. — Тебе двадцать четыре! Моя мать в твои годы уже родила отцу меня, Сирануш и Марине. Мне необходим наследник. Кому я буду дело передавать? Ради

кого работаю, сколачиваю капитал? Ради чего все это?

Он разводит руками, оглядывая нашу гостиную.

— Мне двадцать четыре, да, а тебе только тридцать, Даниэль! — восклицаю громко. — Так что, если ты не болен какой-то неизлечимой болезнью, думать о том, кому ты оставишь капитал, рановато, не находишь? У нас еще есть время!

Он не принимает мой аргумент, цедит строго:

— Я все решил, обсуждать здесь нечего. Нам нужно развестись.

Только теперь обращаю внимание на формулировку, с которой он говорит о разводе.

Не «я хочу развода», не «давай разведемся», а «нам нужно развестись»...

Не знаю, кому это «нам», вот мне лично этот развод совсем не нужен.

Я смотрю на мужа и не понимаю, зачем он с таким упорством делает мне адски больно. Ведь еще сегодня утром мы занимались любовью. Тогда он, получается, не хотел развода?

— Зачем же так сразу? — стону я — Мы могли бы попробовать. Мы...

— Смысла не вижу, — качает он головой. — Я уже не один месяц об этом думаю.

Живет со мной, спит каждую ночь и думает о разводе?

— Даниэль... — я кривлю губы.

А он делается еще угрюмее.

Будто мои жалкие попытки отстоять наш брак его раздражают.

Он этого не хочет, он и вправду все для себя решил.

А раз уж Даниэль что-то решил, то обратной дороги нет.

Никогда нет.

Мне ли не знать, я пять лет в отношениях с этим мужчиной.

Была...

— Ты меня больше не любишь? — Это главное, что меня волнует.

Остальное — шелуха, с остальным как-то можно разобраться. А вот если не любит, то...

— Хватит нести ерунду, Катя! — Он громко шлепает ладонью по столу. — При чем тут люблю — не люблю, я устал! Твои эти бесконечные лечения, слезы, срывы, потом затишье и снова все сначала. Я с тобой, как на американских горках! Мне все это надоело.

Молчу.

А что тут скажешь?

Все так, как он говорит.

Я и нервничала много, и выливала это на него. И плакала тоже, потом снова загоралась надеждой. Но я думала — это нормально обращаться за моральной поддержкой к мужу.

— Ты наверняка захочешь подать на раздел имущества, — продолжает он как ни в чем не бывало. — Но тебе не нужно этого делать, давай договоримся полюбовно. Половину не

получишь, тут без вариантов, но и без денег я тебя не оставлю. Куплю квартиру в любом районе, мой риелтор с тобой свяжется, и...

Его слова идут фоном. Я их не воспринимаю. Вообще не понимаю, как он сейчас может про деньги.

— Даниэль, мы можем это обсудить потом? — спрашиваю бесцветным голосом.

— Да, конечно, — соглашается он. — Кать, ты в порядке? Он что, садист, такое у меня сейчас спрашивать?

Ничего ему не отвечаю, потому что не могу произнести и слова.

В горле стоит ком.

Вздохнуть боюсь, чтобы не разрыдаться тут перед ним.

Отчего-то мне сейчас кажется жизненно важным сохранить хоть крохи гордости.

Хотя о какой гордости я говорю, мне хочется умолять его не подавать на развод.

— Даниэль, я...

Я готова пообещать ему сейчас что угодно, лишь бы он не оставлял меня, потому что я не могу представить этот мир без него.

Но он не слушает, перебивает:

— Подумай, что еще ты хочешь в качестве отступных. Пока не определимся с квартирой для тебя, можешь пожить здесь.

В тихом шоке сижу, смотрю на свои руки. В глаза броса-

ется маленькая заусеница на правом указательном пальце. Так и тянет откусить ее или вообще сгрызть от нервного перенапряжения все ногти, как в пятом классе.

— Ладно, я пошел. Завтра поговорим.

Даниэль окидывает меня недовольным взглядом, встает, гремит стулом по паркету. Разворачивается и шагает к выходу.

— А кому я утку... — шепчу ему вслед.

Даниэль не слышит или не обращает внимания. Просто уходит.

Я морщусь, когда хлопает входная дверь.

Дура.

Он мне про развод, а я ему утку.

Глава 2. Как она узнала

Катя

Время будто замирает для меня.

Я так и остаюсь сидеть за столом, смотрю на дверь, ведущую в коридор.

В голове на перемотке снова и снова одна и та же картина, как Даниэль уходит.

Не могу это пережить.

Свыкнуться не могу.

Что вообще положено делать женам, если мужа просят развода? Соглашаться сразу? Тянуть время? Умолять его остаться?

Я зажимаю себе рот ладонью, чтобы не кричать в голос.

Все, чего хочу, — это звонить ему и ныть в трубку, а потом кричать что-то из разряда:

«Даниэль я люблю тебя!»

«Даниэль, не бросай меня!»

«Я больше никогда не буду тебе плакаться по поводу медицинских штучек!»

«Мы же еще эко не пробовали... Давай его попробуем, а если не поможет, тогда уж...»

Я понимаю, бред. Будет невозможно жить вместе, зная, что если я не залечу к такому-то сроку, то он меня бросит.

До сегодняшнего вечера я вообще не думала, что такое может случиться. В чем-чем, а в том, что Даниэль меня любит, я никогда не сомневалась.

А оказывается, я ему на фиг не нужна.

Бракованная жена не пригодилась.

Чувствую себя ненужным хламом, от которого избавились.

Если мужчина решился прийти домой и объявить жене о разводе, то это уже по-любому конец отношениям.

Тем более такой мужчина, как Даниэль. Он же ничего не делает, не взвесив триста раз все за и против.

К слову, последние полгода с ним все сложно... Он как будто изменился. Но я скидывала это все на то, что отец сделал его генеральным директором в своей фирме, а сам ушел на покой. Обязанностей больше, нервов и подавно.

А может, он все это время о разводе думал?

Чувствую, жужжит задница.

Шлепаю себя по пятой точке и нащупываю в заднем кармане джинсов телефон. Сразу достаю, практически уверенная, что это Даниэль. Даже мысленно успеваю еще раз проговорить идею про эко, чтобы звучала логично.

Ну правда, если дело только в детях, их же можно как-то получить, даже если жена бракованная...

Однако на экране светится синим имя подруги, Ленки.

Со всхлипом беру трубку.

— Алло...

— Катька, ты чего? — охает она. — Уже увидела, да?

— Что увидела? — не понимаю, и моментально перевожу разговор на свою боль: — Меня Даниэль бросил, потому что я бракованная женщина... Почему я бракованная, Лен? Списал меня, как сломавшийся утюг...

Плачу, уже не стесняясь ничего.

И вдруг подруга перебивает мои рыдания:

— Вовсе не поэтому он тебя бросил.

Она с такой уверенностью это говорит, что я аж прекращаю рыдать.

— А почему же? — спрашиваю, громко сглотнув.

— Ты вообще не следишь за тем, что постит твоя золовка, да? — возмущается в трубку Лена.

— Какая из золовок? — уточняю, ведь у Даниэля две сестры.

— Сира-Сука-Нуш которая, — фырчит подруга. — Со всем стерва страх потеряла...

Очень удивленная таким высказыванием подруги, я залезаю в соцсеть, куда Сирануш постит все, начиная от своего завтрака, заканчивая чмоками на ночь.

Пролистываю ее посты за сегодня. Ничего предосудительного не нахожу. В глаза бросается только совместное фото с какой-то беременяшкой.

Сирануш стоит в обнимку с девушкой, чем-то на нее похожей. Обе рослые, с длинными черными кудрями, кареглазые, только у Сирануш идеальная талия, а у ее подруги месяц

эдак шестой. И подпись к фото: «Девочки, скажу по секрету, в этой духовке мой племянничек!»

Духовка — это пузо ее подруги, что ли?

Как последняя идиотка, пялюсь на приписку.

У Даниэля нет братьев, только сестры.

Двоюродных братьев тоже нет, насколько мне известно.

Так откуда племянничек в чужом пузе?

— Посмотрела? — Динамик телефона звенит голосом Ленки. — По ходу дела, у Даниэля бейбик... Раз племянник, логично же?

Мне не логично.

Я ничего не понимаю.

Сiju, пялюсь на фото девушки. Она кажется мне смутно знакомой, вроде бы я когда-то видела ее у родителей Даниэля дома. Кто она?

— Твой непогрешимый Даниэль еще, небось, и жениться на ней надумает, как с тобой разведется... Вот ни разу не удивлюсь!

Слова Лены идут для меня фоном.

Я все никак не могу прекратить пялиться на беременный живот подруги Сирануш.

— Ты там живая, Кать? — начинает беспокоиться Лена.

— Извини, давай потом созвонимся, — прошу подругу и сбрасываю звонок.

Открываю мессенджер и пишу...

Не Даниэлю, нет.

Я пишу его младшей сестре Марине, которая, в отличие от Сирануш, совсем даже не сука. У нас с ней дружеские отношения.

«Скажи, пожалуйста, что за беременная подруга с Сирануш на фото? Она беременна от Даниэля?»

Приходит неоднозначный ответ: «А он тебе не сказал? Он же вроде хотел говорить с тобой сегодня».

Упс.

Оказывается, его родня в курсе того, что Даниэль станет говорить со мной про развод.

«Его ребенок или нет?» — снова спрашиваю.

«Катенька, ты извини, что так все... Его ребенок. Мы сами недавно узнали», — пишет Марине.

И у меня внутри все умирает.

Даниэль спал с другой и зачал ей ребенка.

Худшего он не мог со мной сделать.

В этот момент слышу, как пищит датчик пожарной сигнализации.

— Утка! — вспоминаю слишком поздно.

Бросаю телефон на столе и бегу на кухню.

Машу перед носом, задыхаясь от запаха паленого.

Выключаю духовку, включаю вытяжку, открываю окно, чтобы хоть немного проветрить.

Утка сгорела напрочь.

Как и наши с Даниэлем отношения.

И я четко знаю, что должна сделать дальше.

Глава 3. Что она сделала

Катя

Немного проветрив, я сразу принимаюсь за дело.

Вытаскиваю сгоревшую утку.

Потом включаю пиролизическую очистку духовки. И пока она чадит, сжигая пятисотградусным жаром все внутренние загрязнения, провожу на кухне революцию.

Все, что есть в холодильнике, — в мусорку.

Молочку, овощи, фрукты, все, что хранится в морозилке.

Без жалости вышвыриваю блинчики с мясом — мои шедевры, как Даниэль их еще недавно называл.

Он их есть не будет!

Многострадальную утку туда же.

Разобравшись с холодильником, загружаю посудомойку и иду в гостиную.

Оглядываю просторную гостиную, еще недавно бывшую сердцем нашего дома. Здесь каждая мелочь продумана мной, тщательно выверена. Статуэтки на каминной полке, маленькие горшочки с искусственными зелеными растениями, салфеточки. Но главное — галерея наших с Даниэлем фотографий, развешенная на полстены. Тут фото со свадьбы, из наших путешествий, с его дня рождения. Часть стены осталась нетронутой, там я надеялась повесить фото наших детей...

Не висеть им в этом доме. Он со своей любовницей сюда другие фото повесит.

Вот и пусть вешает, а пока...

Я сжимаю кулаки и поднимаюсь на второй этаж, потом на чердак, куда еще пару лет назад сложила кучу коробок после нашего переезда. Сложила за ненадобностью и забыла про них.

Не зря сохранила. Сейчас пригодятся.

Решительно сметаю в коробки все, что лежит на полках. Достая из кладовой стремянку и снимаю фотографии. Все до единой. Также складываю в коробки.

Прохожусь по всему дому, собираю милые сердцу вещицы, которые делали его уютным. Все под выброс. Абсолютно... Даже шторы сдираю, которые лично шила и вешала.

Духовка заканчивает очистку, остывает.

Возвращаюсь на кухню, когда противный запах гари после этой процедуры выветривается в окно. Открываю духовой шкаф, протираю салфеткой черный налет — все, что осталось от грязи.

Идеально чисто.

Иду в спальню, начинаю перебирать шкаф.

Все, что принадлежит Даниэлю, не трогаю. Собираю только свои вещи. Все.

Действую, как робот.

Я сейчас робот и есть. Потому что если я хоть на секунду позволю себе чувствовать, то...

У меня разом начинают дрожать руки, губы, из горла вырывается мерзкий всхлип.

Стоит только представить, где Даниэль сейчас и что он делает со своей беременной... Небось, животик ей наглаживает, целует. Ненавижу!

Кусаю губу до крови, чтобы не превратиться в жалкую, ни на что не годную размазню.

Я потом поплачу, на своей территории. А этот дом больше моей территорией не является.

Тороплюсь.

Потому что боюсь, что меня все же накроет и я не успею собрать вещи, пока Даниэль не явится.

Я его знаю, он очень не любит незаконченных дел. Непременно явится с утра пораньше...

Поговорить со мной еще раз, а точнее раскатать асфальтоукладчиком.

Спасибо, мне вполне хватило одного раза. Я и без того в лепешку, ни одной целой косточки в теле не осталось. Болит соответствующе.

Достаю чемоданы, складываю в них одежду, обувь. Прихватываю ноутбук с планшетом, сортирую драгоценности. Что мои, что подарены Даниэлем.

Обхожу каждую комнату, сканирую на предмет того, что надо выкинуть или забрать с собой. Выгребаю все полки.

Мы купили этот дом меблированным. Что-то докупили свое, что-то оставили. Но в основном интерьер от старых

хозяев, безликий. Чтобы сделать его уютным, я старательно расставляла милые сердцу мелочи, устраивала перестановку. Но вот сейчас, когда все эти мелочи убраны, вместе с фото сложены в коробки, дом снова стал неуютным. Чужим.

Будто мы с Даниэлем не прожили тут два года.

Ничего не хочу после себя оставлять.

Ни-че-го!

Он стер четыре года счастливого брака одним движением, а я сотру из его жизни себя.

Хотя бы так.

Почти что шесть утра. Я провозилась весь вечер и всю ночь, но усталости не чувствую.

Светает.

Я выношу коробки с мусором на улицу, складываю перед крыльцом.

Заканчиваю сборы, время уходить.

Есть соблазн исчезнуть по-английски, молча.

Но я ведь не ребенок, правда?

Взрослые люди так не уходят.

Возвращаюсь в кабинет Даниэля, единственную комнату в доме, где я ничего не выбросила, потому что там нет ничего моего.

Вытаскиваю из принтера белый лист бумаги и пишу на нем синей ручкой:

«На развод подала через госуслуги. Ненужный мусор собрала в коробки и вынесла на улицу. Вызвала клининг к

десяти утра, они выбросят. Оставила им свои ключи под крыльцом.

Вещи я забрала.

А свое сраное имущество можешь оставить себе».

Креплю этот листок на холодильник при помощи магнита-звездочки.

И выхожу к такси.

Глава 4. Как он там

Даниэль

Я выхожу из спальни в родительском доме, морщусь от скрипа двери. Вроде тихо скрипит, но бьет по нервам все равно. Наверное, дело в подступающей мигрени...

Настроение скатывается к нулю.

Спал я сегодня не слишком хорошо, это если сказать мягко.

Переживаю, понятное дело.

Может быть, надо было как-то по-другому с Катей вчера поговорить? Не напирать на ее бесплодие. С другой стороны, зачем врать? Ведь развожусь именно поэтому.

Бесили ее вчерашние возражения, попытки заговорить мне зубы... Как будто она не понимает, что к чему.

Но вообще, разговор прошел лучше, чем я рассчитывал. Честно сказать, я был уверен, что она разрыдается сразу после фразы про развод. Ведь нежная натура, чересчур чувствительная.

Однако Катерина не разрыдалась.

Оно хорошо, конечно, что обошлось без скандала и слез, но... Как-то царапнуло. Будто ей все равно.

Целую ночь я держал телефон под ухом, на случай если Катя позвонит. Разумеется, просто чтобы никого не разбу-

дить звонком...

Хотя оно вряд ли было бы кому-то слышно, потому что моя комната в родительском доме вдалеке от остальных. И вообще, дом построен на славу, не из говна и палок. Добротный трехэтажный коттедж.

В любом случае Катерина так и не позвонила.

Честно сказать, я ожидал, что она будет плакаться мне в трубку, звать обратно, душу рвать. Она умеет. Это было бы на нее гораздо больше похоже, чем подозрительная тишина.

Может, у нее телефон сломался?

Не нравится мне это все.

Могла бы хотя бы позвонить и сказать, что с ней все окей. Ей сложно, что ли? Хотя зачем мне эта информация? По идее, не нужна, но было бы как-то спокойнее, если бы я ее получил. Я ведь об этой девушке заботился пять долгих лет. Привычка дело такое.

Вроде бы головой понимаю, все правильно делаю. Эти отношения себя изжили.

Отец всегда учил — думай на долгосрок.

А на долгосрок Катерина мне больше не подходит.

В то же время жалко ее. Как она там без меня? Ведь ничего же не может.

Отрезаю ее от себя, будто по живому.

Эх... снявши голову, по волосам не плачут.

В коридоре встречаю мать.

Зачем она встала в такую рань? Я ведь специально

проснулся пораньше, чтобы уехать из дома, ни на кого не натолкнувшись.

Она уже одета, с высокой прической, как будто сейчас вечер, а не утро. Выглядит полной сил. Удивительно...

— Даниэль, ты куда? Скоро будет завтрак, — окликает меня мать.

— Некогда, — качаю головой. — Надо к Катерине, а потом в офис, занят под завязку.

Непрозрачно намекаю, чтобы меня не трогали.

Но когда мать понимала мои невербальные сигналы? Чем старше и круглее становится, тем меньше в ней чуткости.

— Зачем тебе к Кате? — Она сразу начинает лезть не в свое дело. — Ты же вчера с ней говорил... И потом, тебя Зара будет ждать за завтраком. Они же вчера приехали, ты не забыл? А ты даже не пришел на ужин.

Мысленно хлопаю себя ладонью по лбу.

Чтоб эта Зара провалилась вместе со своей родней... Хотя, наверное, так нельзя про мать своего будущего ребенка.

— Я поужинаю с ними сегодня, — раздраженно вздыхаю. — Сейчас мне не до этого, я, вообще-то, в процессе развода.

На этом разворачиваюсь и хочу уйти, как вдруг мать спрашивает:

— Зара случайно не у тебя в комнате ночевала? Я не нашла ее в гостевой.

— Нет, не у меня, — отрезаю строго.

И спешу на выход.

На улице поджидает мой мерседес.

Еду домой по утренним пробкам.

Казалось бы, семь тридцать утра, куда вы все прете в такую рань. А ведь прут.

Всем куда-то надо.

И мне в том числе.

В первый раз за долгое время я ночевал не у себя дома, и мне не по себе.

Впрочем, кого я обманываю, на самом деле мне не по себе, потому что понимаю — Катя, скорей всего, со слезами встретит. Небось, всю ночь переживала, мучилась. Придется заново ей все объяснять...

Наверняка этим утром она вывалит на меня все свое недовольство вкупе со слезами.

Надо будет как-то успокаивать ее, купировать конфликт. Я не хочу расставаться врагами.

Но как ее успокаивать? Чем?

Раньше-то я всегда ей говорил: «У тебя все будет хорошо, я обо всем позабочусь».

А теперь-то у нее точно все хорошо не будет, потому что развод.

Переживаю я за эту девочку. Я ведь в ее жизни все. Как она без меня будет жить?

Глава 5. Во что она превратила дом

Даниэль

Я паркую черный мерседес у ворот. Выхожу, поправляю ворот рубашки, вглядываясь в окна дома. Гадаю, спит жена или нет?

Подмечаю, что в спальне на втором этаже открыто окно. Но это ничего не значит, может быть Катя просто открыла его на ночь. Лето, жара. Даже утром и то не особенно прохладно.

Все-таки не стану будить, если спит, не хочу с ней грубо. Выпью кофе, подожду. Ведь это все еще мой дом.

Или нет?

Решаю, что мой, ведь я даже вещи не забрал. Кроме того, сердце до сих пор сюда стремится. Наверное, этот дом всегда будет для меня особенным местом, ведь я был здесь счастлив.

Не забуду прожитых лет, хотя и пришло время перелистнуть страницу.

Оставить это все позади.

Отрезать.

Захожу во двор и подмечаю странную вещь. Прямо возле крыльца стоят пирамидой светло-коричневые коробки из Бауцентра. Помнится, мы использовали такие, переезжая сюда

из квартиры.

«Повышенная прочность картона», — зачем-то читаю надпись на одной из коробок.

На хрена Катя их достала? Уже вещи собирает, что ли?

Я ведь ей четко сказал, что она может пожить здесь, пока не куплю ей квартиру. Она не услышала меня, что ли?

Как честный человек, я бы не пустил все на самотек, сам собирался выбрать для Катерины лучшие варианты, из тех, что предложит риелтор. Хотел свозить ее туда, посмотреть. Она ведь совершенно не разбирается в недвижимости.

А Катерина про развод слышала и бегом вещи горами паковать. Даже без моей отмашки. Как-то мерзко. Бойтся, что не отдам, что ли?

Что если на выбор квартиры для нее уйдет не одна неделя? Ее вещи будут дожидаться перевозки на улице?

Кто так делает...

Пожимаю плечами.

Почему у баб всегда свое на уме? Хоть распечатай им инструкцию и по пунктам объясни, почему нужно делать так, а не иначе, все равно натворят ерунды. Ничего дальше двух шагов просчитать не могут.

Катя не исключение.

Становится дико неприятно.

Подхожу к заклеенным скотчем коробкам, достаю из кармана ключ, с его помощью вскрываю одну из коробок.

Может быть, со стороны это выглядит не ахти, ведь, по су-

ти, копаюсь в ее вещах. Но мне пофиг. Все, что Катерина положила в эти коробки, стопроцентно куплено на мои деньги.

Раскрываю коробку и глупо пялюсь на светло-желтый тюль.

Это шторы из нашей гостиной! Она решила забрать шторы?!

Никогда не замечал в Катерине такой мелочности. Она что думает, я ей на новые шторы денег не дам, что ли? За полное ничтожество меня держит?

Уже не боюсь ее разбудить.

Иду напрямиком в дом, открываю дверь, нарочно громко хлопаю. Глухой бы услышал.

Кричу из прихожей:

— Катерина!

Но разве она выходит ко мне?

Ничего подобного.

Похоже, Катя решила испытать мои нервы.

А я еще беспокоился, как она тут переживает.

Так переживает, что решила ободрать дом. Обои она там случайно не содрала со стен? Чтобы взять с собой...

— Катерина, не делай вид, что ты меня не слышишь!

Ведь у нее великолепный слух, и мне доподлинно об этом известно.

Прохожусь по дому и злюсь еще больше.

Она даже пледы с диванов забрала. На хрена б они ей сдались!

Чокнуться можно.

Поднимаюсь в спальню злой, как сто чертей.

— Катя, ты оглохла, что ли? — сердито рычу.

Но и тут тишина.

Никого нет.

Кровать разобрана до матраса.

Не утрирую — на нашей большой добротной кровати лежит голый матрас, и на этом все. Подушки без наволочек покоятся на полочке рядом. Все четыре.

Стою, смотрю на это дело. Чувствую себя ничего не понимающим дебилом.

Она наволочки забрала, что ли?

— Катерина! — снова ее зову.

И неожиданно понимаю — она не придет. Ее вообще в доме нет, иначе давно вышла бы ко мне.

Прохожусь по комнатам и осматриваюсь более внимательно.

Наконец до меня доходит очевидное.

Дом подготовлен под сдачу или продажу.

Я не знаю, как она умудрилась сделать это за одну ночь, но как-то умудрилась. Может, бригаду сборщиков наняла?

Хоть сейчас могут заезжать новые жильцы. Осталось только убрать мою одежду из шкафов. Свою она уже забрала.

Сложно поверить, что еще вчера мы с ней тут спали, занимались сексом, завтракали...

Я решался на серьезный разговор, а Катя ластилась ко

мне. Я, понятное дело, не утерпел, да и не старался даже. Потому что, когда Катя ластится, ее попросту невозможно проигнорировать, годами проверенный факт. Что бы я там в жизни ни планировал дальше, жена навсегда останется для меня особенной женщиной. И в интимном плане тоже.

Почему-то становится дико тоскливо.

Зачем она сделала это с нашим домом?

Не понимаю...

Спускаюсь на кухню, хочу выпить воды.

Захожу и... наблюдаю тут ту же картину.

Посуда, которой мы пользовались каждый день, убрана. Открываю холодильник и присвистываю — он пустой! И размороженный. Отключен от сети.

А на холодильнике записка, прикрепленная магнитом-звездочкой:

«На развод подала через госуслуги. Ненужный мусор собрала в коробки и вынесла на улицу. Вызвала клининг к десяти утра, они выбросят. Оставила им свои ключи под крыльцом.

Вещи я забрала.

А свое сраное имущество можешь оставить себе».

Я стою, с плотно сжатыми кулаками смотрю на треклятую записку.

Белый лист формата А4 исписан кривым почерком. Он даже не особенно похож на почерк моей жены, Катя ведь аккуратистка.

— Значит, имущество у меня сраное, да, дорогая?! — рычу в пустоту кухни. — А я вот возьму и оставлю его себе, раз ты у нас такая гордая птица!

В каком состоянии она это писала?

Пьяная, что ли?

По ходу дела, да.

Хотя Катя ведь не пьет... Совсем. Потому что долгое время лечилась от бесплодия, пила витамины, да и ребенка пытались завести.

Но предположить, что она написала это в трезвом виде...

Сюрреализм какой-то.

Как это — уже подала на развод? На хрена такая спешка? Я думал, обговорим все с юристами, а потом уж...

Складывается такое ощущение, что она только и ждала, пока я ей предложу развестись. Как будто у нее был четкий план, что она будет после этого делать.

Ага, Даниэля не будет всю ночь, залезу в госуслуги, подам на развод, чтобы все побыстрее, и ну вещи собирать...

Так, стоп.

Неожиданно я вспоминаю про злосчастные коробки, которые видел у входа.

Она их ненужным мусором назвала, что ли?

А что она там собрала вообще?

Спешу на выход, подхожу к горе коробок. Снова достаю из кармана ключ и начинаю по очереди вскрывать их все. Тут чего только нет...

Кажется, будто вся наша жизнь упакована в эти коробки.

Посуда, из которой мы ели. Статуэтки, которые так нравились Кате. Пледы эти злосчастные... Даже постельное белье, которое она так тщательно подбирала, чтобы и мне нравилось, и подходило к интерьеру.

Но то все ерунда по сравнению с тем, что нахожу в самых нижних коробках. Она сложила сюда фотографии из нашей гостиной. Все фотографии! Еще и альбомы запихала за чем-то... За пять лет отношений у нас с ней набралось очень много снимков. Хорошие ведь были годы. И она все готова в мусорку?

По ходу дела, коробки стояли здесь всю ночь.

Хорошо, что лето, теплая погода, не было дождя... Но вещи все равно могли пострадать, особенно фото. Считаю, чудом уцелели, а я чудом успел, чтобы предотвратить вандализм с выбрасыванием всего ненужного в кавычках.

Где у Катерины мозги, что она творит такое?

У меня просто руки опускаются от такого вот паскудства.

Она всю нашу жизнь препарировала, разделила на части и определила на мусор.

Только, видно, не подумала, что я могу быть против, так?

Ишь ты, умная.

Гордая такая, от имущества моего она отказалась.

Сколько Катерина зарабатывает? Три копейки! Много она накупит имущества за эти деньги? Да у нее сумки нередко стоят дороже, чем она зарабатывает в месяц.

Ничего ей моего не надо...

Гордая бессребреница подала на развод и ушла в закат.

Ну круто, что с нее взять.

Молодец! Нет.

А я еще жалел ее тонкую душевную организацию, обидеть, барыню, не хотел. Успокаивать приехал, слезы-сопли подтирать.

Достаю телефон, набираю номер Катерины. Еле сдерживаюсь, чтобы не начать выплескивать негатив с лету. Хочу спросить, на кой хрен она все это наворотила. Надо же для начала хотя бы понять ее мотивы.

Раз звоню, второй, третий...

Сначала не берет трубку, а потом отключает телефон.

— Сука! — шиплю на ни в чем не повинный мобильный.

А впрочем, зачем мне спрашивать про ее мотивы?

Пусть оставит их при себе.

Сейчас у барыни-государыни пройдет первый шок, она поймет, что натворила, и начнет кусать локти. Придет ко мне и скажет что-нибудь из разряда: «Я была неправа... Давай все же купим мне квартиру... Ну пожалуйста, Даниэль!»

Ведь привыкла, что я все за нее в этой жизни решаю, обо всем забочусь.

Тогда уж я выскажу ей все за ее выкрутасы.

Можно же как-то уважительнее относиться к мужчине, с которым ты пробыла четыре года в браке.

Глава 6. Она больше не его забота

Даниэль

Раз Катя так со мной поступает, значит чхать я на нее хотел.

И на ее проблемы.

В конце концов, у меня своих с избытком. Ими и займусь.

Я, вообще-то, на работу опаздываю! Ехать нужно, у меня важные дела.

А все же...

С упорством, достойным лучшего применения, названиваю Катерине снова. Правда, с тем же нулевым успехом.

Когда наконец доходит, что я попусту трачу время, убираю телефон.

Разглядываю весь тот беспредел из коробок, щедро освещенный утренним августовским солнцем. Плотно сцепляю челюсти, гневно выдыхаю и берусь за самую верхнюю из коробок.

Несу в гараж, он у нас совмещен с домом и, поскольку Катерина не водит, сейчас зияет пустотой, ведь моя машина на улице.

Возвращаюсь за второй коробкой, третьей, четвертой...

Ибо не хрен!

Я еще не решил, что делать с домом, но совершенно точно

не позволю, чтобы его оставили ободраным изнутри.

А то ишь ты, хозяйюшка какая обалдевшая нашлась, все выбросить она решила. А меня она не забыла спросить? Все на мои деньги куплено.

Так и хожу по кругу со двора в гараж и обратно. Затаскиваю все добро под крышу.

Через некоторое время пирамида из коробок полностью перекечивается в гараж. Любуюсь на дело своих рук со злоградской улыбкой. Не вышло у Катерины мне напакостить. Потом все переберу и решу, что нужно, а что нет. Или декораторы решат.

Эх, не мудрая Катерина женщина...

Ей бы дружить со мной, по-хорошему расстаться, а она только про развод узнала и сразу чудить.

Смотрю на часы и понимаю — я безбожно опоздал.

К тому же изрядно запачкал рубашку.

Возвращаюсь в дом, быстро переодеваюсь, благо все мои вещи еще здесь. Затем тороплюсь к машине и качу в офис.

Как назло, пробки в городе усилились втрое, тащусь на мерседесе, как черепаха, что выводит из себя еще больше.

Вот не отказался бы от личного вертолета! Ведь передвигаться по Краснодару днем становится попросту невозможно.

Я тружусь генеральным директором в фирме отца.

Гордое название «Голден Кубань» компания получила еще в начале нулевых.

Мы занимаемся поставкой зерна зарубеж, а оттуда доставляем разного рода оборудование. Бизнес поставлен на поток, и я управляю им твердой рукой.

Головной офис фирмы у нас, разумеется, в деловом центре. Мы занимаем правое крыло огромного бизнес-центра с панорамными окнами на центральную улицу города. Визитная карточка успеха. И этот офис для фирмы выбил я.

Я вот уже семь лет впахиваю в фирме отца, начинал с простого менеджера, постепенно дорос до должности генерального. Она вполне заслужена, а не передана по наследству.

Кстати, о работе...

Становится дико любопытно, а у Кати сейчас нигде не екает оттого, что работает она на нехорошего меня? Чье сраное имущество ей на хрен не упало.

Все ужасный Даниэль постарался, устроил ее на теплое место специалистом по внешнеэкономической деятельности. Да, да, взял на работу сразу после того, как она закончила университет.

За красивые голубые глазки взял, между прочим.

Хоть это-то она должна ценить... Или ей работа теперь тоже не нужна?

Но ведь она так гордо отказалась от моих денег. На что жить собирается? И где? В коробке из-под холодильника?

А может быть, Катерина свято верит, что все компании города Краснодара ждут ее с распростертыми объятиями? А рекомендательные письма ей кто писать будет? Дедушка

Мороз? Если вдруг Катерина гордо решит сменить место работы...

Кстати, вполне возможно, она думает, я ее после развода уволю.

От последней мысли екает в груди уже у меня.

Я совершенно не хочу выглядеть в ее глазах конченым козлом.

Брак наш пошел под откос, это понятно. Но работа-то другое дело.

У нее тут приличный оклад, опять же лояльное руководство.

Мало ли что она там себе надумала за ночь. Сколько грехов мне приписала... Вдруг и вправду считает, что уволю.

Оно, может, так и грамотнее было бы сделать — найти ей какое-то другое теплое место. Мне бы это не составило труда.

Но...

Я предпочел бы оставить ее при себе. Мне будет спокойней знать, что она рядом, под надзором начальника отдела, а не где-то там, непонятно где. Вдруг еще пристанет кто? Мало на свете сволочей?

Красивой девчонке под юбку полезть каждый начальник горазд. А у Катерины под юбкой все очень красивое.

Это я собственному начальнику отдела могу выдать ценные указания, как следует обращаться с сотрудником Екатериной Дживанян. Но другим-то я приказать ничего не смогу.

Подъезжая к зданию, оставляю машину на личном парковочном месте.

Спешу внутрь.

Вскользь здороваюсь с коллегами, которых встречаю в лифте и коридоре.

Вихрем проношусь по собственной приемной, едва удостоив секретаря кивком, захожу в свой кабинет.

Первым делом просматриваю видео с камер наблюдения. Интересует в первую очередь отдел ВЭД. Отыскиваю свой любимый ракурс, откуда стол Катерины как на ладони.

И разочарованно выдыхаю — он пустой.

Нет ее на рабочем месте.

На задворках сознания теплится надежда — за кофе вышла или еще куда. Я как-то уже настроился ее увидеть. Однако, судя по записям, она вообще в офис не являлась.

Недолго думая, достаю телефон, набираю номер начальника отдела.

— Здравствуйте, Даниэль Давидович, — отвечает он почти сразу.

Думаю, как правильнее задать вопрос, ведь не хочется трясти грязным бельем перед подчиненными.

— Валерий Данилович, я хочу сделать уточнение по поводу Катерины... — начинаю осторожно.

— Я так понял, ее сегодня не будет, да? — он сам делает вывод. — Обычно Катерина звонит, если нужна пара дней больничного, а тут просто не пришла, не сообщила, я уди-

вился... С ней все хорошо, я надеюсь?

Катерина молодец.

Пять баллов просто.

— Ее не будет несколько дней, — сообщаю серьезным тоном.

За это время, думаю, мы с Катей решим все наши вопросы.

— Как скажете, Даниэль Давидович, — соглашается он.

Кладу трубку и внимательно смотрю на фото жены, что стоит у меня на заставке в телефоне.

Там улыбающаяся Катерина в свадебном платье строит мне глазки. Самое любимое из моих фото. Она тут как Лиса Алиса.

Понимаю — заставку надо бы сменить...

Когда разводишься с женой, держать на заставке свадебное фото — лютая дичь. Но что-то во мне яростно сопротивляется смене фотографии.

Потом как-нибудь займусь, сейчас не до того.

— Куда ты делась, мать твою так? — обращаюсь к фотографии Катерины.

Очень меня волнует этот вопрос.

Глава 7. Твою мать!

Даниэль

— Куда ты делась, твою мать! — все повторяю, ругаясь на ни в чем не повинное фото.

Жаль, фотографии не умеют отвечать.

Откладываю телефон на рабочий стол, поворачиваюсь к окну. С третьего этажа улица как на ладони.

Некоторое время наблюдаю за спешащими куда-то людьми. И тут меня озаряет:

— Твою ж мать, а ведь и вправду она у матери!

Где еще ей быть? Конечно, у моей дорогой тещи...

Мог бы и раньше догадаться, налицо все признаки.

Ведет себя неадекватно — раз.

Исчезла с радаров — два.

Даже на работу не явилась — три.

А разговоры-то, разговоры... Мое сраное имущество — стопроцентно фраза любимой тещи.

Теща моя еще та бессребреница.

Вбивающая дочке в голову всякую ересь.

Типа я ее Катеньку купил...

На ней что, ценник был выставлен, чтобы я ее покупал?

Я ухаживал ярко, да. Но не для того, чтобы купить, а для того, чтобы приятно сделать. Девочкам ведь приятно, когда

им цветы даришь, конфеты, украшения. А для Кати мне никогда ничего не было жалко.

Нормально это — такие претензии зятю выставлять? Ты мою дочь купил...

Это, конечно, не единственное, что она мне предъявляла, там этих предъявлений было по сто штук на каждую встречу. Поэтому и встречались раз в год — на тещин день рождения. Это единственный день, когда Катерина могла затащить меня к матери. К нам-то святая Анна Павловна, учительница русского языка и литературы, приходить в гости отказывалась.

Самое противное, Катерину будет никак из когтей этой гарпии не достать. Если начала слушать мать, считай пропала девка.

Ну и пусть поживет с мамочкой, если ей так хочется. Прочувствует всю прелесть проживания в ее комфортабельных апартаментах с тараканами. И теми, что у тещи в голове, и теми, что обитают в подъезде, заодно периодически забегают через вентиляцию на тещину кухню перекусить, сколько бы она их ни травила.

Я подрядился, что ли, гоняться за женой по всему городу? Куда ты бежишь, Катенька? А давай, я тебе квартиру куплю, разве она тебе не нужна?

Решаю — много чести.

Все, отрезал так отрезал.

Переключаюсь на работу. Тем более что расписание мое

трещит по швам от обилия задач.

Проверяю почту, решаю первоочередные задачи, чуть выдыхаю ближе к обеду.

И ведь решил, что не буду гоняться за Катериной, но...

Все же срываюсь к теще.

Прошу секретаря освободить мне пару часов и спускаюсь к парковке.

Лучше я сейчас съезжу, повидаясь с женой, проговорю с ней условия развода, как и собирался утром. Просто хочу закрыть этот вопрос, а то висит в задачах, не дает покоя.

Вот такая я целостная натура, не люблю незавершенных дел.

Заодно проверю, вправду ли Катя у матери, все ли у нее в порядке. Волнуюсь за эту девчонку, не железный ведь.

Тем более, если Катя там, лучше съездить туда в рабочее время, пока теща в школе.

Машина стоит на парковке на нулевом этаже. И вроде бы тут не должно быть сильно жарко, но день сегодня аномальный. Когда открываю дверь, словно окунаюсь в ад — настолько в салоне высокая температура.

Чуть проветриваю и сразу включаю на полную мощность кондиционер.

Может быть, хоть прохладный воздух остудит мой вскипающий мозг.

Завожу мотор и рулю в направлении дома тещи.

Мне ж делать нечего, только по бывшим тещам кататься...

Через сорок минут злющий как черт я паркую мерседес у подъезда старой хрущевки.

Сцепив зубы, решаю — ругаться не буду. Попытаюсь по-человечески поговорить с Катериной. Если начнет борзеть, пошлю ее лесом и уеду. На этом все.

Дальше будем общаться через адвокатов.

Все же надеюсь, до этого не дойдет. Мы ведь с Катей адекватные люди.

Подхожу к подъезду, нажимаю на кнопку домофона, но никакого звука не идет. И... открываю железную дверь без проблем. Им свет отрубили, что ли?

Вовремя.

На задворках памяти всплывает история про глобальную поломку на электростанции и веерные отключения по всему краю.

В самую жару. Жесть.

Захожу в темный, пахнувший сыростью подъезд, иду к лестнице. Пока поднимаюсь на пятый этаж, успеваю взмокнуть, что не добавляет настроения.

Стучу в дверь, очень надеюсь наконец лицезреть лицо собственной жены.

Но...

Открывает встрепанная теща. Светлые волосы убраны наверх в нелепую гульку. На тощей фигуре висит безразмерная черная футболка, такое ощущение, что мокрая. Так спасается от жары, что ли?

— Вы дома, — констатирую факт с каменным выражением лица.

— И тебе доброго здоровья, Даниэль, — кривит теща тонкие губы в саркастической улыбке. — А где же мне еще быть, как не дома? У меня отпуск.

При этом смотрит на меня, как на дебила.

Точно, отпуск. Август же, а она работает учителем. Но все-таки люди на отпуске могут быть в разных местах.

До чего ядовитая мадам. И в кого Катя уродилась такой милой? Явно не в мать.

Нервно сглатываю.

Старательно заталкиваю раздражение поглубже и прошу ее:

— Катю позовите.

— С чего ты решил, что она здесь? — таращится на меня теща. — Вы что, поссорились?

— А вы типа не в курсе, да? — спрашиваю со злой ухмылкой.

Она замирает, настороженно меня разглядывает.

— Что случилось, Даниэль? Катя мне не звонила, не приходила...

Ничуть ей не верю.

Актриса погорелого театра. Что угодно сделает, лишь бы вымотать мне нервы.

— Уж конечно, нет ее тут... Попросил по-человечески, позовите Катю! Сложно, что ли? Ведь не уйду все равно.

— Так и правда нет ее, — разводит она руками.

Впечатываю в нее злой взгляд.

А теща указывает рукой на квартиру и предлагает:

— Хочешь, сам проверь.

Смотрит с издевкой, поди уверена, что не решусь.

А я иду.

Прямиком в логово гарпии.

— Постой, Даниэль, ты разуйся хотя бы!

Игнорирую ее совсем не вежливую просьбу.

Шагаю по коридору, заглядываю в зал, спальню, хмыкаю, подметив, как по-солдатски ровно заправлена кровать. Сую нос на кухню и даже в ванную...

Квартира небольшая, поэтому на осмотр всех владений уходят считанные секунды.

Кати и вправду нет.

— Даниэль, с тобой все в порядке? — спешит за мной теща. — Ты какой-то невменяемый сегодня...

А у меня не все в порядке. От меня жена скрывается!

И меня уже колбасит оттого, что я не знаю, где она находится. Я так не привык, мне всегда нужно знать, где она.

— Типа вас когда-то волновало, в каком я состоянии... — недобро на нее смотрю.

И, ничего не объясняя, ухожу.

Сажусь в машину, провожу аутотренинг с самим собой.

Пытаюсь понять, отчего ж мне так хреново. Аж трясет всего, ведь так надеялся, что Катя будет здесь.

А ведь она потому так и сделала — исчезла без объяснений. Жена великолепно меня знает, вот и давит на больное. Это такой способ мне досадить.

Не больше...

Поэтому я прекращаю бесполезные метания, возвращаюсь в офис. Вплотную занимаюсь работой.

А через несколько часов получаю сообщение от тещи.

«Даниэль, я звоню Кате целый день, она недоступна. Лена тоже не знает, где она. Что у вас случилось?»

— Черт, черт, черт... — шиплю себе под нос.

И затыкаюсь, потому что я сейчас нахожусь не у себя в кабинете, а на совете директоров.

Вокруг куча народу, все на меня смотрят, а я сообщения от тещи читаю.

Просто рукалицо.

Прошу выступающего с докладом продолжить и делаю вид, что весь во внимании. Начальник отдела сбыта снова принимается распинаться про рекордные цифры в этом квартале.

А я пишу теще: «В квартире Катиной бабушки все еще живут квартиранты? Может быть, она туда поехала?»

Потому что это, пожалуй, последнее место, где Катерина могла остановиться, если она не у мамы и не у подруги, Ленки.

Убитая двушка на задворках этого мира — вот все наследство, которое получила моя жена от своей горячо любимой

бабушки пару лет назад.

Я предложил в свое время продать квартиру, а она сказала, что хочет сдать ее, а деньги отдавать матери. Ведь у нашей возрастной бессребреницы ни одной нормальной вещи в доме, все хламье дешевое. И подарков мы от зятя, разумеется, не принимаем, потому что мы птицы гордые. Гарпии они такие, да.

От зятя ни-ни, а от дочки, у которой ничего своего нет, — пожалуйста.

«Квартиранты съехали на прошлой неделе, новых пока не нашла», — отрапортовала теща.

Опа, значит квартира пустует. И Катя вполне могла поехать туда.

Пишу теще: «Я проверю, там ли она, сообщу вам».

И вдруг дожидаюсь от нее «Спасибо».

Боже, что случилось?

В аду, небось, все черти сдохли от холода из-за тещино «Спасибо»! Такого сроду никогда не было.

На секунду вынырываю из своих семейных проблем, проверяю, как дела в реальной жизни.

Начальник отдела сбыта всюю распаляется, ораторствует дальше.

Все предельно внимательно слушают. А я... А я потом наверстаю, в крайнем случае попрошу предоставить мне доклад в письменном виде.

Снова терзаю телефон, на этот раз пишу своему секретарю.

рю: «Отправьте водителя по адресу: улица Курочкина, дом двадцать шесть, квартира тринадцать. Пусть проверит, там ли моя жена, и сразу мне отпишется».

Наобум я больше никуда не поеду. Мне делать, что ли, не хрен, кроме как колесить по всему городу...

Дав указания, выдыхаю, снова возвращаюсь в реальность, продолжаю слушать доклад.

За этой встречей следует другая, потом разбор очередного вороха писем уже у меня кабинете.

Ближе к вечеру получаю сообщение от водителя: «Катерины Дмитриевны по указанному адресу нет, дверь никто не открывает. Какие будут дальнейшие распоряжения?»

— Че-е-ерт... — скрежещу зубами.

Как назло, сразу активизируется теща: «Нашел Катеньку?»

Ага, аж три раза.

Десять Кать, и все в одном месте.

Нехотя отвечаю: «Ее нет в квартире бабушки».

«Как же так? Где ее теперь искать? Ты должен ее найти!!!» — пишет мне теща в истерике.

Вот по кому я не буду скучать, так это по святой Анне Павловне, которой я по умолчанию до конца жизни что-то должен.

Плотно сжимаю челюсти и строчу: «Может, она вышла куда, а вы панику наводите. И вот вам новость: мы с Катериной разводимся. Так что отныне я ничего вам не должен, наде-

юсь, это ясно?»

Она на это не отвечает.

Стандартная тактика — навести шороху, вымотать нервы.
А потом не отвечать, чтобы люди нервничали и ждали.

Да, я определенно не буду по ней скучать.

А по жене?

По жене буду.

Катя, на хрена ты от меня бегаешь?

Все равно ведь найду, только хуже будет.

Глава 8. Новое и старое

Даниэль

Я решил, что не буду играть в ее игру.

Катя не хочет снизойти до человеческого разговора со мной? Окей.

Я не позволю ей бесить меня дальше своим иррациональным поведением. И без того гонялся за ней по всему городу, хотя стоило подождать, когда явится сама.

Поэтому я заталкиваю сильнейшее раздражение вглубь, запрещаю себе думать о жене, тем более что она скоро станет бывшей. Сама на развод подала! Самостоятельная какая...

После работы возвращаюсь в дом родителей.

— Как хорошо, что ты приехал, сынок! — Мать встречает меня в прихожей.

Очень уж по-праздничному выглядит, к слову. Бордовое платье в пол, макияж, тройная нитка жемчуга на полной груди. О боги, у матери даже в волосах и то жемчужины, они ярко выделяются на фоне черных, убранных наверх кудрей. Родительница разрядилась в пух и прах, что делала только ради очень важных гостей.

— Все уже собрались на ужин, только тебя ждали. Нехорошо заставлять ждать гостей, Даниэль, — причитает она.

Ужин... Про который я забыл.

Зара, ее родители.

Что-то я совсем слетел с колеи с этим разводом. Надо ведь и невесте внимание уделить.

— Извини, мам, сейчас только руки помою, в себя прииду...

С этими словами исчезаю в гостевой ванной комнате, что на первом этаже.

Мою руки, морщась от чересчур сладко пахнущего мыла. Умываю лицо, стремясь смыть все заботы и нервы, накопившиеся за день.

Смотрюсь в зеркало, натягиваю на лицо улыбку.

Так-то лучше. По моей смазливой, чуть заросшей щетиной физиономии и не скажешь, какие демоны бушуют в душе.

Выхожу в столовую, приветствую гостей:

— Ваан Артурович, Каролина Альбертовна, очень рад видеть.

Я жму руку будущему тестю, одариваю теплым взглядом будущую тещу.

Наконец поворачиваюсь к Заре.

Момент торжественный, а мне почему-то смешно. Еле сдерживаю прущий наружу саркастический смех.

Родителей Зары я помню, видел несколько раз у матери с отцом на праздниках. Давно дружат.

А вот их дочку...

Вообще в памяти не отложилось, как она выглядела до бе-

ременности.

Брюнетка с карими глазами, большой грудью и упругой задницей. Сколько таких живет в Краснодаре? Тысячи, десятки тысяч.

Она сильно отличается от миниатюрной светловолосой Кати. Это-то и привлекло в ту ночь полгода назад меня, злющего на жену. Но запомнил я только контраст между ней и моей супругой, черты лица не отложились в памяти. Прошел бы на улице мимо, и даже нигде не екнуло бы.

Теперь я вижу перед собой девушку на приличном сроке беременности.

Грудь у нее не просто большая, она будто с голову ребенка, честное слово. Живот тоже круглый. Или она так его выпячивает? Он отлично виден в платье, облегающем ее фигуру.

Сомнений в том, что я отец, нет. Я потребовал ДНК-тест, и мне его предоставили.

Ходил несколько дней зеленый, не знал, как Кате сказать. Теперь уже по привычке к новости, что у меня будет ребенок от другой женщины.

К слову, эта беременность только доказывает, что дело было не во мне, а в Кате. Я с ней пять лет тело в тело, ведь спать начали задолго до свадьбы, сроду не предохранялись. И никакого результата не добился, а тут одна ночь...

— Я очень рада видеть тебя, Даниэль. — Зара смущенно мне улыбается.

Скромно опускает взгляд в пол, как и положено девушке. А я не знаю, как с ней общаться.

Как вообще можно общаться с девушкой, которую ты практически не знаешь, но она уже полгода носит твоего ребенка? Комедия положений. Или трагедия... Как посмотреть. А все-таки она — будущая мать моего ребенка. И только этим уже ценна.

— Садитесь за стол, гости дорогие, — приглашает всех отец, при этом смотрит на меня с одобрением.

Отец у меня еще хоть куда, такой же рослый, как я. В черной шевелюре почти нет седых волос. И не скажешь, что ему за пятьдесят.

Мы рассаживаемся за столом.

Подают первую перемену блюд.

Вскользь отмечаю, что мать даже двух официантов наняла. Один, по ее мнению, не справился бы, что ли? Серьезный подход к вопросу.

Все за столом очень рады, что я «взялся за ум», как считает мой отец, и решил жениться на девушке, которая обеспечит мне потомство.

А Катю мои родители никогда не любили. Принимали только потому, что я в свое время поставил вопрос ребром. За глаза называли пустоцветом.

Дочка старых друзей — желанная невестка, в отличие от моей жены.

Тем более что ее отец обладает огромным количеством

связей, которые помогут мне в бизнесе. И приданое за Зару обещают немалое.

Это все для родителей плюсы, не для меня. Мне достаточно моих денег и того, что я еще за жизнь заработаю. Опять же со связями порядок. Но женитьба на дочке Гаспарянов ускорит развитие бизнеса, позволит выйти на новый уровень в рекордно короткие сроки.

И все-таки еще недавно рядом со мной за этим столом сидела Катя. Грела душу улыбкой, я по-тихому трогал ее за коленку, наслаждался близостью. Где она сейчас?

Все происходящее кажется каким-то сюрреализмом.

Как будто это не мне тут сватают беременную от меня же девушку.

Как вообще можно женатому человеку кого-то сватать?

Я ведь еще официально женат.

Кстати...

Наверное, поэтому я и чувствую себя так двояко — просто официальный статус все еще давит на мозг. Надо развестьсь, тогда и...

И что тогда? Я перестану любить Катю?

Как можно более беззаботно улыбаюсь гостям. Делаю вид, что внимательно слушаю треп отца с будущим тестем про современные порядки молодежи.

Сам же устраиваю очередной внутренний аутотренинг, напоминаю себе, зачем я все это делаю.

Я ведь не от внезапно охладевших чувств решил разве-

стись.

Я развожусь, потому что брак без детей для меня неприемлем.

Коль уж появилась та, кто умудрился залететь от меня после одной ночи, чем не знак судьбы, что пора?

Да, мне было обалденно с Катей, но положила руку на сердце скандалов тоже было много — все из-за треклятого зачатия... И я согласен с отцом — одной любовью брак не удержишь. Настанет момент, когда страсть пройдет, и что останется? Если к тому времени и детей не будет, то к чему все это?

Неделю назад, когда на пороге их дома показалась беременная Зара с родителями, у меня с отцом состоялся очень серьезный разговор.

Он признался мне, что в первый год брака и не любил мать нисколько. А потом появился я, мои сестры. Дети стали его смыслом жизни и самой большой любовью, какая только возможна. Очень скоро это же чувство проснулось к жене и скрепило их брак.

А мой брак...

Мой брак, кажется, развалился в тот момент, когда я смотрел на результаты теста ДНК.

Я, конечно, мог бы просто бухнуться перед Катей на колени, покаяться в содеянном, просить принять моего ребенка. Но она ведь точно на такое не пойдет. И Зара не пойдет тоже. Она хочет быть мамой.

А значит...

Значит, я должен сцепить зубы и сделать то, что необходимо.

Сейчас главное — расплестись с Катей с наименьшими моральными потерями. Убедиться, что с ней все окей. Потом уж можно пробовать строить новые отношения.

Не знаю, простила бы она меня или нет, если бы я выбрал вариант не разводиться с ней... Наверняка простила бы, любит ведь.

Но я не могу так по-сволочному поступить со своим единственным ребенком. Ему ведь отец нужен — у Зары в пузе пацан...

Я всегда сына хотел. А быть отцом выходного дня — нет. Я настоящим отцом быть хочу.

Пусть для этого мне придется сменить жену.

Эх... Почему все так повернулось?

Почему Катя не могла достаться мне без этого изъяна? Если бы она мне родила, я бы ее ни за что в жизни не бросил. Не было бы между нами того скандала, и налево я бы тоже не посмотрел.

Чувствую на своей руке нежную руку Зары.

Оборачиваюсь в ее сторону.

Она улыбается мне. Заискивающе так... будто ловит мои эмоции, она голодная до них.

О-о... Похоже, вторая жена будет влюблена в меня ровно так же, как первая. Хоть что-то хорошее из этого выйдет.

Пытаюсь вникнуть в суть разговора.

Мать ораторствует:

— Вот мои доченьки, Сирануш, Марине, очень трудоспособные. Сирануш у нас будущий инфлюэнсер... Правильно я говорю, дорогая?

— Правильно, — Сирануш поправляет идеально уложенные локоны, смотрит на мать чуть свысока, ее стандартная реакция. — Самая выгодная в наше время профессия, когда тебе платят за мнение, за твой безупречный вкус...

— Сирануш, у тебя тысяча подписчиков, — пихает ее под бок Марине. — Хорош звездить!

Невольно усмехаюсь.

Да уж, Сирануш и вправду неплохо было бы подвинуть корону.

— А что? Надо всем быть, как Марине? Утки старухам таскать... — огрызается Сирануш.

— Я не таскаю утки, дура! — фырчит Марине. — Я прохожу интернатуру в больнице. Это важнее твоего вшивого блогерства...

— А Марине у нас будущая звезда хирургии, — горделиво улыбается мать. — Не каждому дано...

— У вас великолепные дочери, — кивают родители Зары. — Просто восхитительные, к тому же красавицы...

Сестры у меня и правда ничего себе внешне.

Черноглазые, с пушистыми ресницами на пол-лица, фигуристые.

Гордость отца и отрада матери.

— А у Зарочки какие таланты? — спрашивает мать, с улыбкой смотря на будущую невестку. — То, что красивая, невооруженным взглядом видно.

Моя будущая теща, Каролина Альбертовна, немного тушует, но отвечает:

— С учебой у нас не задалось... Зарочку один преподаватель в университете завалил на экзамене. Очень принципиальный оказался, довел бедную девочку до истерики. Мы уже думали подключиться к вопросу, но она така-а-ая самостоятельная. Запретила, в общем. Может быть, в будущем продолжит учебу в другом вузе. Если захочет...

— И правильно, — машет рукой моя мать. — Девушке ведь что важнее всего? Быть хранительницей домашнего очага, а не светилом науки. Стряпать вкусненькое домашним, баловать печеным и так далее... Чтоб вы понимали, все-все, что на столе, вот этими руками приготовлено!

С этими словами она демонстрирует гостям свой идеальный маникюр — короткие ногти, выкрашенные в красный цвет.

— М-м-м, вы великолепно готовите, Анаит Гамлетовна. — Отец Зары, Ваан Артурович, показательно ведет носом и отправляет в рот крошечных размеров равиоль с грибами и мясом.

— Знаете ли, Зарочке нельзя готовить... — Каролина Альбертовна кривит губы. — У Зарочки аллергия...

— На что? — интересуется мать.

— Так на воду, — разводит руками Каролина Альбертовна. — Чуть повозится, и сразу кожа краснеет.

— На то давно изобретены перчатки, — докладывает мать. — Надел, и никакой аллергии, у меня у самой кожа на руках...

— Так у нее на латекс аллергия тоже, — с виноватой улыбкой отвечает Каролина Альбертовна.

— Аллергия на латекс? — хлопает ресницами мать. — А как же она попу младенцу подтирать собралась?

— Зачем про попы за столом, мам? — кривит нос Сирануш. — Других тем для разговора нет, что ли?

— Ой, как будто у тебя попы нет, — махнула рукой мать. — Так чем же Зара занимается? Должна же она чем-то заниматься...

— Я же вот только что про преподавателя в университете рассказывала, — охнула Каролина Альбертовна. — Зарочка до сих пор отходит...

— Сколько лет она у вас отходит? — хлопает накладными ресницами мать. — Зарочке ведь двадцать пять уже...

— Некоторым женщинам для того, чтобы радовать домашних, достаточно просто быть, — вдруг заявляет отец Зары. — А кому попу подтереть младенцу, найти несложно. Няни есть, в конце концов. И повара...

— Да, да, конечно, — кивает моя мать с приклеенной улыбкой.

Знатно ее перекашивает от информации про аллергию на воду и латекс.

Тут, конечно, задето личное...

Отец давно может позволить себе нанять любую прислугу в дом. И учитывая, что коттедж большой, здесь трудится несколько горничных, домработница. Но кухню мать воспринимает как личное царство, и туда никакой прислуге нельзя, как и домашним. Там она творит свои шедевры, а мы обязаны ее восхвалять. Как-то так.

Видимо, она в своих мечтах нарисовала мне похожую на нее жену.

Забавно, что Катя как раз отвечала этим ее стандартам, ведь постоянно что-то для меня готовила, причем делала это вкусно. Но матери не нравилась все равно. И я нередко получал выговоры на тему — если не может готовить, пусть не пытается.

Вот пусть мать теперь получит в невестки девушку, которая и вправду не захочет пытаться.

К слову, мне фиолетово, может ли Зара готовить и как она ведет хозяйство. Голос ведь у нее есть, сможет объяснить домработнице, что к чему.

Зато у меня дети будут.

Будут дети и не будет Кати...

В груди нехорошо екает, когда вспоминаю, что я ведь даже не знаю, где она сейчас.

Издательство какое-то...

— А все-таки, разве няня будет с вами двадцать четыре часа? — не успокаивается мать. — Надо как-то лечить аллергию, чтобы Зара могла сама ухаживать за ребенком. Есть же средства...

— Мам, разберемся, — отрезаю сердито.

Но когда мать реагировала на мои сердитые фразы?

Она самозабвенно продолжает спор на тему нянь.

В общем, разговоры за столом обалдеть какие интересные. До зевоты просто.

Ссылаюсь на важный телефонный звонок, и выхожу на пару минут на улицу, подышать воздухом.

Хочется хоть немного отдохнуть от семейного ужина.

Выхожу на веранду, вдыхаю пропитанный жасмином теплый воздух августовского вечера. Куст жасмина как раз растет неподалеку и источает яркий аромат.

По привычке лезу в телефон.

Открываю телеграм проверить сообщения. Вдруг произошло чудо, Катерина усовестилась да хоть что-то мне написала. Но фигу мне с маслом, а не ее сообщения.

Неожиданно всплывает новый пост в одном из местных каналов новостей. Название кричащее: «Держи жену дома, а то убьют».

Меня аж передергивает от такого названия.

Автоматом нажимаю на просмотр.

Погружаюсь в прочтение статьи о серии случаев пропажи молодых замужних женщин, преимущественно блондинок.

«Ушла за хлебом и не вернулась».

«Задержалась с работы и исчезла с концами».

«Утром возвращалась со смены и... поминай как звали».

Предполагали разное, но основной версией было то, что женщины садились в такси, и больше их никто не видел. Вполне мог орудовать какой-то маньяк-таксист. Ведь именно к таксисту женщина сядет без всяких опасений.

А Катерина у меня так и не выучилась водить. Пользовалась такси или я ее подвозил. Иногда водитель из моей фирмы.

На чем она уехала из дома сегодня?

Меня прошивает изнутри беспокойством.

А вдруг? Да нет, глупости...

Однако яд беспокойства со скоростью звука попадает в кровь, и унять мандраж я уже не могу. И без того за целый день поисков издергался.

Наконец не выдерживаю, пишу теще: «Катя не объявлялась?»

Она некоторое время молчит, потом все же отвечает: «Нет. Я уже обзваниваю больницы».

Как только это читаю, в груди по-настоящему сильно екает...

Глава 9. Где Катя?

Даниэль

Когда я возвращаюсь в дом за бумажником, в коридоре сталкиваюсь с отцом.

— Ты куда собрался? — спрашивает он с недоумением.

— К дяде Артуру, — отвечаю с угрюмым видом.

Он у нас в семье важная шишка, дослужился до полковника полиции. Сможет помочь с поисками.

— С чего вдруг, Даниэль?

— У меня жена пропала, — сжимаю кулаки.

— Та, с которой ты разводишься? — Отец клонит голову в бок.

Меня бесит его реакция, прямо выворачивает изнутри. Если бы вдруг по какой-то причине он развелся с матерью и она пропала, неужели не помчался бы искать? Ни за что не поверю.

— Оттого, что мы с ней разводимся, она не перестала быть человеком, — чеканю строго. — Я должен ее найти.

— Окстись, сынок, — разводит руками отец. — Вернись обратно на ужин, а поисками Кати займешься завтра, если это так уж необходимо. Не порти отношения с будущими родственниками...

Мне хочется сплюнуть.

Эти будущие родственники полгода скрывали от меня беременность Зары. И явились решать вопрос с готовым 4D УЗИ и записью сердцебиения малыша, чтобы однозначно выбить меня из привычного ритма жизни. Это была такая явная манипуляция мной и моими родителями, что меня аж всего перекосило в тот момент. Почему тянули столько времени? Чтобы я точно уже ничего не мог сделать с этой беременностью?

Меня фактически поставили перед фактом, что ребенок будет. Постарались максимально надавить на жалость. Что, мол, наивная девушка забеременела от меня, сама такого не ожидала, но плод уже есть, и ему нужен отец. А где была ее наивность, когда она лезла в койку к женатому мужику?

— Даниэль, ты слышишь меня? — спрашивает отец.

Ничего не говорю, разворачиваюсь и ухожу. Потому что ничего хорошего или по крайней мере вежливого я ему ответить не в состоянии.

Оказавшись в машине, первым делом звоню дяде.

Еду напрямиком к нему.

Следующие часы я больше ни о чем не могу думать, только о Кате.

Меня прошивает беспокойством о ней, душу выворачивает наизнанку.

Клянусь тебе на чем свет стоит за то, что оставил ее вчера одну.

Почему я не остался, после того как объявил ей о разводе? Что стоило проследить, чтобы с ней все было окей?

Надо было остаться, убедить ее не уезжать никуда, ведь я не собирался оставлять ее без всего, обеспечил бы жильем, а пока что ей следовало пожить в нашем доме.

Хотя, если уж совсем по-честному... Мне очень понятно, почему я вчера так быстро ушел.

Катя на меня всегда смотрела, как на бога. Что-то такое особенное во взгляде. Восхищение, что ли? Оно постоянно незримо присутствовало, даже если мы ругались, даже когда жена была мной недовольна.

А вчера оно исчезло куда-то. Она с таким разочарованием на меня посмотрела, что пробрало аж до самых кишок.

Я не смог это вынести, вот и ушел.

Решил, утром будет как-то проще договориться о деталях развода. Она уже попривыкнет к этой мысли.

Привыкла... Аж три раза...

Мне невыносима мысль, что с ней могло случиться что-то плохое.

Ведь просто так она не пропала бы. Уж матери бы позволила точно, хотя бы для того чтобы обругать меня по-всякому, перебить кости. Девчонки обычно так делают, верно?

Еще этот маньяк-таксист, будь он неладен!

Все как-то одно на другое наложилось...

Ближе к одиннадцати ночи мне поступают данные о Катерине.

Ранним утром она заказала такси и, согласно данным таксиста, приехала по адресу, где находится квартира ее бабки.

Все-таки поехала туда! По крайней мере, видеорегистратор таксиста это доказывает. Но дошла ли до самой квартиры? Уличных камер в этом пяточке нет ни одной, а в подъезде и подавно. Какие камеры в старом хрущевском доме? Там если штукатурка на голову не падает, и то хорошо.

Само собой, я прикатил к дому Катиной бабки тут же.

Стою перед подъездом, меня всего изнутри трясет от переизбытка нервов, хотя ночь теплая. Смотрю на темные окна квартиры и не знаю, что думать.

Там она? Или не там?

Если бы Катя была по адресу, мой водитель доложил бы, верно? И в окнах горел бы свет.

Или она попросту могла не открыть водителю. А теперь и вовсе спит...

Черт!

Подхожу к подъезду, захожу за торопливо шагающим рабочим в синей униформе. Когда поднимаюсь на нужный этаж, вижу, что рабочий юркает в соседнюю квартиру, откуда долбит дрелью.

Морщусь, попав на лестничную клетку. Тут все в пыли! От моих шагов остаются следы, настолько тут грязно. Вовремя соседи решили сделать ремонт, ничего не скажешь.

Подхожу к квартире Катерины, нажимаю на звонок. И ничего. Ни звука, мать вашу так. Сломался звонок, похоже.

Стучу.

Жду, когда дрель в соседней квартире замолкнет, и снова стучу. Громко.

Похоже, все-таки нет ее. Мой стук в тандеме с дрелью и мертвого разбудил бы.

А ведь она вполне могла попросту мне не открыть! Учтивая, что натворила у нас в доме, увидела меня в глазке, да и подумала — пошел ты, Даниэль, к черту. Я бы ровно так же сделал на ее месте.

Но я-то должен знать наверняка, там она или нет, чтобы в случае чего продолжить поиски. Да и не смогу я нормально существовать, не зная, где она!

Внезапно открывается дверь в соседнюю квартиру. Оттуда выходит тот же самый мужик в синей униформе, с досками в руках. Собирается нести эти доски вниз.

— Стой, — обращаюсь к нему. — Скажи, вы тут давно ремонтируете?

— А что? — отвечает вопросом на вопрос работяга. — Если ругаться будете, дык я тут не хозяин... Не я управляю...

Не обращаю внимания на его треп, достаю телефон, нахожу фото Кати, сделанное пару недель назад в сквере возле нашего дома. Там она сидела с мороженым на лавочке, я лично фотографировал. Последняя наша нормальная про-

гулка до всего этого беспредела с Зарой и ее родней.

— Вот эту девушку видел сегодня? — спрашиваю, вглядываясь в его перепачканное пылью лицо.

— Красивая... — тянет он, моментально залипнув на фото моей жены.

— Видел или нет? — спрашиваю с нажимом.

Еще я не слушал мнение чужих мужчин о моей Кате. И без этого прекрасно знаю, что она красавица.

— Не, не видел. Я б такую запомнил, — отвечает рабочий.

— Много вас еще в квартире? Можешь позвать друзей? Мне важно знать, эта девушка пропала сегодня.

Рабочий приставляет доски к стене в подъезде и возвращается в квартиру, зовет остальную бригаду.

В квартире оказалось целых шестеро рабочих. Но никто из них Катю не видел, хотя они бесконечно терлись на лестничной площадке.

По идее, можно делать неутешительный вывод, что ее тут нет и не было.

Но...

Я просто обязан убедиться.

— У вас там, гляжу, инструментов полно, — говорю задумчиво. — Помогите мне вскрыть дверь в соседнюю квартиру.

— С какого перепуга? — спрашивает их главный, бородач с необычным именем Улдан. — Ты с дуба рухнул, мужик? Нам же за это...

— Ничего вам не будет, квартира моя, — пожимаю плечами.

— Может, еще и документы есть, что квартира твоя? — хмыкает Улдан.

— Есть, как же не быть.

Достаю кошелек и вытаскиваю оттуда несколько пятитысячных купюр. Как раз недавно снял наличку на всякий случай. Не думал, что случай будет такой.

— Достаточно убедительные документы? — спрашиваю, изогнув левую бровь.

Бородач молча сминает купюры, прячет в карман и зовет одного из своих ребят:

— Рамиль, человеку помочь надо, дверь вскрыть. Сможешь?

Мелкий черноволосый мужик лет сорока чешет затылок. Затем подходит к квартире Катерины, тихонько и со знанием дела простукивает дверь. Выносит вердикт:

— Бумажная хрень, пять минут делов. Маникюрным ножом вскрыть можно. Но... Вам оно точно надо?

Надо ли мне оно?

Если Катя окажется там, я ей устрою такой нагоняй, что она обалдеет. За все мне ответит оптом. За каждую убитую ею сегодня нервную клетку в моем мозгу.

Если же ее там нет... Я город на уши поставлю, но найду жену.

Так что оно мне надо, и без вариантов.

— Приступайте, — киваю я.

Через несколько минут наблюдаю за тем, как рабочий приносит здоровенный нож с острым, как бритва, лезвием, больше похожий на тесак. Он со всей дури всаживает его в дверь.

Морщусь от противного скрежета металла...

Я никогда не видел, как вскрывают двери. Для меня подобное в диковинку.

Поражает, насколько легко лезвие тесака входит в поверхность, словно его всадили и не в дверь вовсе, а в пенопласт.

Рабочий действует сноровисто, использует лезвие по принципу консервного ножа.

Он вырезает карман, отодвигает наружное покрытие двери вверх.

— Обалдеть, тут и правда бумага! — поражается он, отшвыривая сложенные вплотную друг к другу картонные ячейки, служащие прослойкой между наружной и внутренней поверхностью двери.

Он вырезает карман во внутренней поверхности двери еще быстрее, чем во внешней. На все про все у рабочего уходит меньше пяти минут. Он просовывает руку в дырку и открывает замок изнутри.

— Готово, хозяин... Хорошо бы набавить за скорость.

Достаю бумажник и вручаю ему еще одну купюру.

Спрашиваю с обалделым видом:

— Неужели так легко вскрываются двери... Какая же это

защита...

— Раньше часто такие ставили, китайская хрень, — пожимает он плечами. — Советую поставить нормальную, железную, такую, чтоб только болгаркой, и то час пыхтеть...

Собственно, такая у меня дома и стоит. А здесь менять не видел смысла, да и не знал, что она такого качества.

— Ага, спасибо, вы свободны.

Я киваю рабочим, выстроившимся рядком перед дверью.

Они уходят.

А я остаюсь один на один со вскрытой квартирой.

Без особой надежды распахиваю дверь. Ведь взломали ее хоть и быстро, но обалдеть как громко. Если бы Катя была там, стопроцентно услышала.

По всему выходит, что зря старались, но...

Я вижу в прихожей бежевые кроссовки, которые оставили пыльные следы. Ровно такие же отметины, какие я сейчас оставляю, зайдя в прихожую.

А значит, хозяин кроссовок определенно зашел в квартиру сегодня, раз нанес свежую грязь. Точнее, хозяйка...

Кроссовки знакомые, я видел их на Катерине несколько раз, ее любимые, кажется.

Она здесь.

— Катя! — ору так, что, кажется, содрогаются стены.

Не жду, что она выйдет.

Ведь если бы хотела явиться пред мои грозные очи, показалась бы еще на этапе раскурочивания двери.

Влетаю в гостиную, включаю свет.

Вижу два неразобранных чемодана и одну полупустую сумку на диване.

Даже если сейчас Катерины в квартире нет, она здесь точно была!

Я тут, понимаешь, ищу ее повсюду, с ума схожу, а она попросту игнорирует меня.

Совесть ее где? Где совесть?!

Достаю телефон, снова набираю Катерине. Но она стандартно недоступна.

— Ну я тебя найду... Теперь держись...

Хочу уже уйти оттуда, но все же напоследок решаю обыскать всю квартиру. На всякий случай. Как есть, не разуваясь и оставляя на полу пыльные следы, прохожу на кухню, включаю свет, осматриваюсь. Она тут чай пила, сучка! Кружка с недопитым чаем так и стоит на столе.

Прохожу дальше, в спальню.

Включаю свет и...

Лучше бы я не вскрывал квартиру. По крайней мере, не видел бы этого собственными глазами.

Моя Катя лежит на кровати полуголая — в одних трусах-шортах и топе на бретельках. Лежит без всякого движения. Возле нее валяется пустая баночка с надписью «Снотворное», а на полу лежит стакан, из которого пролилось немного воды.

Пустая банка из-под снотворного. Стакан. Дева без дви-

жения. И не дышит, кажется.

Мозг фиксирует увиденное, но отказывается обрабатывать.

— Катя... Катенька... — тихо хриплю.

Она что, из-за меня таблеток наелась, что ли?

Моя Катя.

Из-за меня.

Таблеток...

На автомате звоню в скорую. Не верю, что можно успеть, что-то там поправить, ведь она, по всей видимости, давно здесь, но все же звоню, сообщаю:

— Девушка умирает, приезжайте скорее. Передозировка снотворным! Катерина Дживанян, двадцать четыре года.

Ей всего двадцать четыре.

Бросаю телефон прямо на пол, кидаюсь к жене.

— Катя, Катенька. — Я взбираюсь на кровать.

Прижимаюсь к ней всем телом, впиваюсь ртом в холодные губы.

Несколькими часами ранее
Катерина

Этим ужасным днем я так и не смогла уснуть.

Соседи делали ремонт, шумели адски. А в моем организ-

ме закончился всякий завод. Только и хватило на то, чтобы заправить постель чистым бельем.

Я бы, может, поехала куда-то еще искать пристанища. Но другой квартиры, кроме бабушкиной, у меня нет, а напрашиваться к подруге или тем более к маме не хотелось.

Стоило мне только подумать о маме, в ушах зазвучал ее голос: «Вы все равно разведетесь, не пара он тебе!»

Мне всегда хотелось плакать от ее слов и с пеной у рта доказывать, что мой Даниэль самый лучший. Но теперь, когда это происходит наяву, я видеть ее не хочу. Пророчица тоже мне...

Я никого видеть не хочу.

Однако лежать в кровати без сна и слушать бесконечные звуки дрели я попросту не в силах. Как и бесконечно гонять в голове мысли о том, что наш брак разрушен. Это слишком больно. Так невероятно больно...

Неожиданно вспоминаю, что, когда умывалась в ванной, видела там оставленную квартирантами баночку со снотворным.

Кое-как встаю, ковыляю в ванную, нахожу бутылочку. Открываю и вижу там две пилюли.

Ура!

Живу.

Все-таки усну.

Я никогда раньше не принимала снотворного, но отчего-то уверена, что одна пилюля меня не возьмет. Не в моем

эмоциональном состоянии, поэтому выпиваю сразу две, чтобы наверняка заснуть. Заодно сую беруши в уши. Покупала как-то на всякий пожарный, кинула в косметичку и забыла. Вотгодились.

И наступает блаженство.

Звук дрели за стенкой значительно притупляется, а остальные и вовсе исчезают.

Тишина... Почти.

Стараюсь не обращать внимания на ремонт за стенкой.

Закрываю глаза, лежу какое-то время так, жду сна.

Неаккуратно поворачиваюсь и сбиваю рукой стакан с водой с прикроватной тумбочки. Но на меня накатывает жуткая слабость. Решаю — я потом его подниму.

Проваливаюсь в какую-то яму.

Там уютно, комфортно. Там не бывает разводов.

Кажется, проходит ровно одна секунда, и меня вдруг кто-то достает из этой спасительной ямы спокойствия, начинает трясти.

Мне открывают рот, суют туда язык, а потом и вовсе накачивают воздухом.

— Дышишь? Дыши, Катенька! — Голос Даниэля.

Он снова зачем-то накачивает мои легкие воздухом, хотя я в состоянии дышать сама. Потом вбирает мои губы в рот, глубоко сует язык, ощупывает им меня изнутри. Поцелуй в стиле моего мужа.

Окончательно просыпаюсь, отпихиваю от себя Даниэля.

Трясу головой и вглядываюсь в его бледное лицо.

Так, стоп!

Засыпала я одна в запертой квартире, ключи от которой есть только у меня.

Зато просыпаюсь, придавленная и обшлюнявленная мужем.

Как такое вообще случилось?

Глава 10. Оккупант

Катерина

Я вытаскиваю беруши из ушей, сажусь в кровати и впечатываю взгляд в Даниэля:

— Что ты тут делаешь?!

Он ошалело смотрит то мне в лицо, то на оранжевые беруши в моих руках.

— Так ты эту хрень себе в уши вставила? — Муж отчего-то злится. — Поэтому не слышала, как я тебе тут наяривал в дверь? Я тебе звонил! Я тебе стучал! Я тебя тряс...

— Я спала, Даниэль! К чему вообще твои предъявления? Что ты тут забыл?

Он вскакивает с кровати смотрит на меня волком:

— Я тебя весь день искал! Переживал за тебя, волновался, кучу людей на уши поставил. А ты тут спишь! Не стыдно тебе, Катя?

— Зачем? — спрашиваю с замиранием сердца.

— Что зачем? — не понимает он.

— Зачем ты меня целый день искал?

Я не знаю, на что надеюсь, задавая этот вопрос.

Хочется услышать что-то из разряда: «Это все были первоапрельские шутки, и неважно, что на дворе август. Мы с тобой никогда не разведемся, Катенька. А фото в инсте Си-

рануш — липа».

Понимаю, что надеяться на подобное глупо.

И Даниэль, конечно же, ничего подобного не говорит.

Он чуть задирает подбородок вверх и вполне по-еврейски отвечает:

— А не очевидно разве?

— Мне нет, — качаю головой. — Я тебе все в записке написала...

При упоминании о записке лицо мужа кривится.

— Так, вставай, пошли, сейчас будем чистить твой желудок, может дрянь еще не совсем впиталась...

С этими словами он хватает меня за руку и натурально стаскивает с кровати.

— Что ты делаешь? — Я пытаюсь вырвать из его лапы свою руку. — Мне больно, Даниэль!

— Раньше нужно было думать, до того как таблетки горстями есть!

Пытаюсь врубиться, о чем он вообще говорит.

В этот момент в дверь громко стучат.

— Оденься, — рявкает он. — Я пойду открою.

Ишь ты, не нравится ему, что я в одних шортах и топе.

И вправду кидаюсь к шкафу, куда положила вещи первой необходимости. Вытаскиваю черный шелковый халат, накидываю его.

Выхожу в гостиную.

И обалдеваю, подметив, что сюда заходят двое врачей с

чемоданчиками.

Лощенные, аккуратно одетые, да и чемоданчики у них с логотипами платной клиники, где мы с Даниэлем обслуживаемся последние годы.

— Эта девушка умирает? — с недоумением спрашивает врач, здоровенный детина лет сорока.

Тут-то у меня круглеют глаза.

— Я не умираю! — заявляю с чувством.

— Так... — Врач строго смотрит то на меня, то на Даниэля. — Кто тут наглотался таблеток?

— Она! — Даниэль тычет в меня указательным пальцем. — Выпила целую упаковку снотворного, ей необходимо промыть желудок!

— Подождите, я не пила упаковку, — развожу руками. — Я всего лишь две пилюли...

— Я видел пустой пузырек! — настаивает Даниэль.

— Так-так. — Врач стучит носком туфли. — Что у вас тут происходит?

А мне все это уже напоминает какую-то трагикомедию.

Так и хочется закричать: «Пошли все вон!»

Но неудобно до жути, ведь работники скорой помощи не виноваты, что мой муж — идиот.

С горем пополам объясняю всем присутствующим, что я в порядке, что осматривать меня не надо, а госпитализировать — тем более. И желудок мой промывать бесполезно, потому что он абсолютно чистый, ведь я уже больше суток не ела

ничего, кроме двух ма-а-ахоньких таблеточек.

Наконец врачи уходят.

А Даниэль все равно остается страшно недоволен.

— Так и так заплатили за вызов, пусть они хоть осмотрели бы тебя, что ли...

— А кто тебя просил их вызывать? — От злости мне хочется подпрыгнуть до потолка.

Словно чувствуя мое настроение, Даниэль переводит тему:

— Матери позвони, она волнуется.

— С чего вдруг ей волноваться? Я ей вчера утром звонила, с ней все было хорошо. Или ты к ней тоже ходил меня искать? Ходил, Даниэль?

Его лицо будто каменеет, из чего я понимаю — ходил, еще как.

И тут меня прошивает догадкой:

— И про развод ей сказал?

Физиономия Даниэля становится еще более каменной. Передо мной уже почти не человек даже, а какое-то мраморное изваяние. Дико надменное, к слову.

— Даниэль, зачем ты это сделал?! — Я уже откровенно кричу.

Я-то надеялась хоть пару дней побыть одна, как-то свыкнуться со своей новой жизнью, поплакать в подушку. Но с мамой ведь это будет совершенно невозможно сделать, она весь мозг мне съест, и будет ей вкусно.

— А нечего меня игнорировать! — очень натурально возмущается он. — Я тебе весь день звонил. Весь гребаный день!

— Я забыла подзарядку, а новую еще не купила, телефон сел, — развожу руками.

— А голову ты свою нигде не забыла? — гремит он.

И на взлете нашего скандала вдруг разворачивается, уходит.

Но очень скоро возвращается — с каким-то дядькой в грязной синей униформе.

— Он починит дверь, — обещает Даниэль.

С ужасом смотрю на дырень, которая волшебным образом возникла прямо возле ручки, и у меня волосы на затылке шевелятся. Что они тут творили?! Но теперь хоть понятно, как Даниэль просочился в квартиру.

— Чините, — говорю со вздохом.

Ухожу в ванную.

Жду там, потому что я попросту не в силах остаться в компании мужа.

Умываюсь, от нечего делать чищу зубы. Морщусь от слишком ядреного мятного привкуса зубной пасты.

Слышу долгожданное:

— Поставил заплатку, хоть ночь переночуете спокойно, а дальше уж разберетесь...

— Разберемся, спасибо, — деловито отвечает Даниэль.

Кое-как уговариваю себя выйти, чтобы проводить его.

Но Даниэль по-прежнему топчется в прихожей.

— Кое-как сделал, рукожоп, — ворчит он.

Поглаживает криво прилаженную деревянную заплатку на двери.

— Завтра тебе вставят новую дверь, — с невозмутимым видом сообщает он. — Пока так пойдет. И замок надо поставить надежный, я прослежу.

Молчу из последних сил. Не хочу устраивать скандала, мечтаю, чтобы он просто ушел.

Однако вместо того, чтобы со мной попрощаться, Даниэль деловито запирает дверь, проходит в квартиру. Очень по-хозяйски оглядывается.

И уходить, похоже, не собирается вовсе!

— А ты чего так оглядываешься по сторонам? — спрашиваю я угрюмо.

Даниэль ведет взглядом по грязному полу.

— Натоптали тут знатно, ты бы клининг вызвала, что ли... Или я могу.

— Я разберусь, — говорю с нажимом.

Взглядом показываю Даниэлю на выход.

Он стоит посредине гостиной как истукан, пялится на меня.

Наконец до него доходит:

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Да хотелось бы, — тяну с сарказмом.

— Уже поздно, Кать, куда я пойду... — вдруг прибавляет

он меня аргументом.

Часы и вправду показывают час ночи.

Поздно.

Но при чем тут время и факт нахождения Даниэля в моей квартире. МОЕЙ!

— Тебе пойти ночевать некуда, что ли? — Я упираю руки в боки и смотрю на него воинственно.

— Объясняю, я устал, — говорит он, буравя меня взглядом. — Ты хочешь, чтобы я уставший за руль садился? Ты хоть примерно представляешь, как я перенервничал сегодня?

Обалдеть аргументы. А я как будто на курорте побывала. Что ему надо от меня вообще?

— Мы разводимся, Даниэль! Ты сам мне объявил вчера, что мы больше не пара. А двум людям, которые разводятся, ночевать в одной квартире противопоказано законами логики!

Он цепляется за это мое высказывание и выдвигает свои аргументы:

— Заметь, это не я подал на развод. Я думал, мы как-то спокойно с тобой все обсудим, обтешем острые углы...

Ага, конечно. Кошке же будет гораздо приятнее, если рубить ей хвост по кусочкам. Так же и Даниэль сейчас со своими речами.

— Я не хочу ничего обсуждать! — Впечатываю в него полный обиды взгляд.

А он отвечает мне ровно таким же взглядом.

Со всех сторон обижен на меня. С чего вдруг?

— Ты не понимаешь, что я готов к диалогу по поводу развода? — вдруг выдает Даниэль. — Там же все неоднозначно...

Выпадаю от его слов в осадок.

— А что там неоднозначного? — хлопаю ресницами. — От тебя беременна подруга твоей сестры. Что тут еще можно обсуждать?

— Так ты знаешь... — Его лицо снова будто каменеет.

Даниэль отводит взгляд.

— Знаю, да! — злобно на него смотрю. — А тебе даже не хватило смелости сказать мне самому! Знаешь, как мерзко узнавать о подобном из поста золовки?

Он морщится, будто я ему только что врезала пощечину.

Ожидаю, что после этого он все-таки уйдет.

Но муж вдруг выдает:

— Давай об этом утром поговорим, когда оба успокоимся. Я не собирался от тебя скрывать, просто не знал, как правильное подать новость.

Ты посмотри какой благородный, скрывать от меня он не собирался, видите ли... И готов обсудить ситуацию, разъяснить мне детали, как спал с другой женщиной, находясь со мной в браке, как делал ей ребенка... Вот только мне эта информация зачем? Поиздеваться, что ли? У меня и без того сердце в мясо.

— Даниэль, уйди, пожалуйста! По-человечески прошу...

— Ты не поняла еще? — натурально возмущается он. — Я не уйду никуда! У тебя дверь взломана, а там за стенкой рабочие какие-то непонятные. Это небезопасно. Я нужен тебе!

— Ты защищать меня собрался, что ли? — Меня провоцирует истерический смех. — Мне не нужна твоя защита! И ты не нужен после всего! Покоя хочу, дай мне покой!

Даниэль не привык, чтобы я на него кричала. За все годы брака было от силы пару-тройку раз. Мы могли спорить, да, но это не моя прерогатива — повышать тон.

— Дура ты, Катя! — Он щелкает пальцем и с возмущением говорит: — Ты бы могла со мной сейчас вот так помириться, просто по щелчку!

И наконец уходит.

Глава 11. Твердый как камень

Даниэль

Я шумно вздыхаю, увидев на экране мобильного имя сестры.

За сегодняшнее утро Сирануш звонит мне далеко не в первый раз. Я был на совещании и не брал трубку, но стоило только вернуться в кабинет, уместить задницу в кресле, как она звонит снова.

Откидываюсь в кресле, беру наконец трубку.

Слышу ее визг:

— Даниэль, как ты мог? Как ты только придумал это?

А я смог, да.

— Зачем ты удалил мой аккаунт? Я ведь душу в него вложила...

Зачем я удалил аккаунт Сирануш?

Прямо даже не знаю.

Может быть, потому что обалдел, когда зашел на ее страницу и увидел, как она там всюю позировала с Зарой и снабжала это всевозможными приписками типа: «Вот тут мой племянничек». Неужели до сестры не доходит?

Кого как, а меня бесит, когда мою личную жизнь выставляют на всеобщее обозрение, да еще тычут палкой в болевые точки.

Поэтому дал задание своему безопаснику найти специалиста соответствующего профиля. Аккаунт Сирануш хакнули и удалили. Удивительно, как легко, оказывается, это можно сделать.

— Закрой свой маленький крикливый рот, — тихо, но строго шиплю на нее. — И слушай меня, сестричка. Ты забылась.

Она слышит, до какой степени я на нее зол. И резко затывается.

Может быть, я не поступал бы с ней так строго, но ситуация просто выхлестнула. К тому же сестра изволила ночевать у подруги, поэтому лично с ней поговорить не смог. А когда я ей звонил, не брала трубку. Вот и получила по полной.

Меня всего аж перекорежило вчера, когда Катя бросила мне в лицо, что она в курсе, почему я с ней развожусь.

Она, черт подери, не так должна была об этом узнать! Не из глупых постов моей тупицы-сестры. Не из чужих уст. Я сам должен был ей все объяснить, по-человечески.

Почему я ей сам не сказал?

Должен был.

Даже не представляю, каким моральным уродом она меня считает после веселых постов Сирануш.

Небось, нарисовала себе картину, будто я гулял от нее направо и налево, пока не нагулял ребенка. Может, еще какие-то отношения между мной и Зарой придумала себе.

Женщины ведь любят все приукрашивать в своем вооб-

ражении.

Главное, даже не спросила, как же так вышло, что от меня залетела другая? У меня тогда, может, был бы шанс ей все объяснить.

Но Катя этого не сделала, разумеется. Ей, наверное, куда интереснее собственные фантазии на мой счет. Которые не имеют никакой связи с реальностью.

Хотя...

Объяснять Кате, каким макаром я переспал с Зарой, — это, пожалуй, последнее, что мне хотелось бы делать.

— Братик, миленький. — Сирануш хнычет в трубку так, будто ей пять лет, а мне десять. — Ну верни аккаунт... Я больше ни строчки про тебя не напишу! Никаких больше фоток с Зарой...

— Зачем вообще ты это сделала? — спрашиваю строго. — Я хотел сам все объяснить Кате. А ты все грязное белье выставила на люди, хотя я еще даже не развелся.

— Катя, Катя, все беспокоишься о ней, а о Заре ты подумал? Каково ей было ждать день ото дня, когда ты уже съедешь от этой своей...

Она знала, что делала, и все понимала.

— Кто дал тебе право лезть в мою личную жизнь?

— Я не хотела, прости, Даниэль!

Не хотела она, ага, как же. Прекрасно осознавала последствия своих действий. Только получать за свои пакости теперь не хочет.

— Я прощаю тебя, если это для тебя так уж важно, — отвечаю ей серьезным голосом. — Но аккаунт не верну. Ты слишком много времени уделяешь всякой ерунде, я посоветовал отцу поскорее подобрать тебе жениха. Так что в ближайшее время жди сватов. Давно пора было выдать тебя замуж.

— Да как ты можешь? Мне двадцать пять лет, я самостоятельная, взрослая... Это современный мир, вообще-то...

— Жди сватов. И не смей мне больше звонить по пустякам.

На этом я отключаюсь.

Если бы так же просто можно было отключить мысли.

Благодаря Сирануш многое в моей жизни пошло не так... Или так?

Вспоминаю мое с Зарой знакомство полгода назад.

Я приехал к родителям после безобразной ссоры с женой, а там гости — чета Гаспарян со своей единственной дочкой Зарой, приехали погостить на пару дней...

Я потом долго думал, случилось бы то, что случилось, не реши они погостить. Или не поругайся мы с Катей вдрызг в тот день.

Но сложилось как сложилось.

И теперь у меня будет ребенок от другой женщины.

Оно-то, может, и глупо после такого расходиться с женой, ведь сделан малыш не по большой любви...

Но я не могу позволить, чтобы моя родная кровь росла

непонятно с кем, непонятно как. К тому же, учитывая бесплодие Кати, это вполне мог быть мой единственный ребенок.

Кому я свой бизнес передавать буду?

Как буду смотреть в глаза пацану, который неизменно спросит: «Где ж ты был, папка? Почему меня не растил?»

Наличие в моей жизни Кати — недостаточно хорошее оправдание, чтобы не стать парню полноценным отцом.

А все-таки размотало меня вчера не по-детски, когда увидел Катю с пустой баночкой снотворного.

Чуть сердце не остановилось.

Я не знаю, к чему бы привело, поступи она вчера по-женски мудро. Или хотя бы попытайся она пойти на какой-то диалог. Я ведь никого в своей жизни не любил, как ее.

Наверное, я еще долго буду испытывать к ней чувства, хотя Катя делает все, чтобы они умерли.

Неожиданно динамик внутренней связи оживает голосом секретаря:

— К вам Екатерина Дмитриевна.

Вот же ж... Явилась. Зачем?

— Пропустите ее, — приказываю секретарю.

Меня аж прошибает током, когда вижу, как Катя проходит в мой кабинет.

Обычно я бы тут же подскочил с места, пошел ее встречать, с любовью взгляделся бы в лицо, поцеловал. Стал бы спрашивать, отчего она такая бледная.

Теперь же не двигаюсь с места.

Исподлюбья наблюдаю, как Катя проходит к моему столу.

А нарядилась-то, нарядилась!

Одежда а-ля взбесить мужа моментально.

Черная юбка с высокой талией и разрезом на правом бедре. Да, да, именно та, которую я запретил ей носить, потому что ну очень сексуальная, хотя и доходит почти до коленей. Белая блузка чуть просвечивает. Под ней узнаю белый топ, под который, как мне великолепно известно, Катерина носит бюстгальтер без бретелек.

Я с нее не раз этот бюстгальтер стягивал именно в этой самой комнате. Он прямо-таки идеально поддерживает ее небольшую, аккуратную грудь.

Я ведь люблю ее грудь.

Триста пятьдесят миллионов раз целовал ее, мямлил в руках. Игры с этой частью ее тела — обязательная часть программы в наших постельных играх. Которых больше не будет...

Черт, почему при разводе с женой ее нельзя оставить себе?

Ладно, это я прибалдел, конечно. Катя ведь не вещь. Она — человек. Человек, который отказывается со мной нормально общаться.

— С чем пожаловала? — Я меряю ее безразличным взглядом.

— Хочу расставить границы, — вдруг заявляет она.

Держать лицо безразличным становится в разы сложнее.

Какие такие границы она собирается расставлять между нами? По ощущениям, там и так пролегают бескрайние минные поля.

Вскидываю левую бровь, спрашиваю нарочито небрежно: — Что конкретно ты имеешь в виду?

— Ты не имел права вскрывать дверь в мою квартиру! — цедит Катя.

— Пф-ф, нашла что вспомнить. — На миг раздражение все же продирается наружу, но я нещадно запикиваю его внутрь. — Я поступил так, потому что того требовали обстоятельства, не более. Твоя мать сообщила, что не могла тебя найти, я побеспокоился о тебе. Впредь буду умнее и не стану этого делать. К тому же я поправил то, что натворил.

— Это каким же образом? — продолжает язвить она.

— Сегодня утром к тебе должны были явиться рабочие с новой дверью. Были?

— Ага, были, в шесть утра. — Катерина поправляет выбившийся из прически локон. — Я послала их подальше. Мне ничего от тебя не нужно. Ни-че-го!

Смотрю на нее, чуть задрав подбородок, вальяжно разваливаюсь в кресле.

Про себя отмечаю: однако, охренела барышня. Вкрай охренела. Так со мной разговаривать...

— Какие мы гордые, — буравлю ее взглядом. — За душой ни гроша, а гонору-то, гонору... Я прислал тебе человеческую дверь, надежный замок. Но ты лучше останешься с

деревянной заплаткой на картонной двери, вместо того чтобы принять помощь. Так, что ли?

— О всесильный господин Даниэль, — включает актрису она, — простите великодушно, что пренебрегла вашей щедростью. Вот только я прекрасно могу позволить сама себе заказать человеческую дверь и замок.

— Хватит паясничать. — Я выпрямляюсь в кресле, подаюсь чуть вперед. — Чего ты добилась своим ослиным упрямством? Пока ты здесь соревнуешься со мной в остроумии, у тебя всю квартиру вынесут. Это то, чего ты хотела?

— Ничего никто не вынесет, — сверкает глазами Катя. — В квартире моя мама, она проследит за установкой двери, которую заказала я. Ты не единственный, кто может решать проблемы, Даниэль.

Да боже ж ты мой...

Где она прятала свою способность решать проблемы, когда была за мной замужем? Все я старался. Всегда один только я.

Не знаю почему, но тот факт, что Катерина пренебрегла моей помощью, бесит чрезвычайно.

Красота тем временем продолжает наматывать мои нервы на вилку.

— Уж тем более ты не имел права вчера лезть ко мне с поцелуями. Я еще как-то могу понять твои попытки сделать мне искусственное дыхание, хотя, прежде чем его делать, не мешало бы проверить, дышу я сама или нет. Но ты ведь прак-

тически лег на меня и со вкусом совал в меня язык! Всю об-
слюнявил...

Я это сделал, да. И сделал бы намного больше, если бы
мне дали.

— Хочу напомнить, Катенька, что ты пока что моя жена.

— Сжимаю в руке ручку.

— Я тебе жена только на бумаге! — язвит она. — Но ско-
ро не будет и этого. Отныне мы друг другу никто, и ты не
имеешь права...

Я даже не вслушиваюсь в ересь, которую она несет даль-
ше.

Плотно сцепляю зубы, чтобы не выругаться на нее матом.

Неужели Катя не понимает, что мы никогда не будем друг
другу никем? Что никогда не утихнет тот вулкан чувств, что
бурлит между нами?

— Все сказала? — я резко ее перебиваю.

— Все. — Она смотрит на меня с показательным равно-
душием.

— Тогда дверь там, — киваю в сторону выхода.

— Я с удовольствием уйду, — заявляет Катерина. —
Только для того, чтобы я смогла это сделать, поговори с на-
чальником отдела. Он наотрез отказывается принимать мое
заявление на увольнение. Требует, чтобы я отработала две
недели. А я, честно сказать, хочу уволиться поскорее. Жела-
тельно прямо сейчас.

Меня буквально выхлестывает от ее слов.

Уволиться, мать ее так?!

С какой стати? Катя думает, все компании Краснодар мечтают ее нанять, что ли? Да, специалист она неплохой. Но это в моей компании ее вырастили. Это благодаря мне у нее есть какая-никакая карьера. Это Даниэль молодец, что построил ее в теплое место. И с этого теплого места она решила уйти. Ну не дура ли? Работала бы себе спокойно, кто ей мешает?

Отношения отношениями, но это ведь бизнес.

Главное, я еще должен посодействовать, чтобы она поскорее уволилась.

С чего вдруг я ей что-то там должен?

Прямо интересно, куда так торопится. То ей развестись со мной нужно сию секунду, то уволиться прямо сейчас. А вот дулю с маком вам, прекрасная Катенька.

— Двойные стандарты у вас, Катерина Дмитриевна.

Она стоит, ресницами хлопает, явно не понимает, о чем я.

С удовольствием поясняю:

— Ты тут настаивала минуту назад, что мы друг другу никто, верно? Так с чего вдруг я ради абсолютно параллельной мне женщины стану беспокоиться, с начальником отдела ВЭД беседы вести, просить о чем-то...

— Тебе ведь не нужно ни о чем его просить, ты можешь просто приказать...

— Пальцем о палец не ударю, — цежу с надменным видом. — Будешь как все. Отрабатывать две недели! Если, ко-

нечно, хочешь каких-то приличных рекомендаций. Это ясно?

— Подонок! — шипит она, еле сдерживаясь.

— Еще какой! — свожу брови у переносицы. — Вы свободны, Катерина Дмитриевна. Идите на свое рабочее место. И впредь помните, что к генеральному директору фирмы без записи вам нельзя. Я ясно выразил свои пожелания?

— Ясно. — Лицо Кати пылает.

Она разворачивается и спешит на выход.

— Границы она пришла расставлять, умная какая... — цежу ей вслед.

Она явно слышит, но не отвечает. Вылетает за дверь.

Я же остаюсь на месте и чувствую огромный дискомфорт. Не оттого, что наговорил ей, нет. Там все было заслуженно.

У меня банально дымятся штаны, мужское достоинство колом. Хорошо, что сижу, и Катерина ничего не увидела, а то позора не оберешься.

Главное — непонятно с чего. Ведь просто поговорили, и все! Она не танцевала передо мной голая, не устраивала стриптиз. Мы не целовались, я даже за руку ее не трогал.

И тут привет, Даниэль-младший, удовлетворяйте его.

Как у Катерины это получилось?

Хотя тут, наверное, все просто.

Я ведь привык спать с ней ночь через ночь.

И тут кипят такие страсти, а у нас уже две ночи подряд ничего не было...

От всего этого мне хочется стонать в голос.

Катя

Я вылетаю из кабинета Даниэля на скорости. Плевать, что я на каблуках.

Надела их непонятно зачем...

Отчего-то хотелось выглядеть перед мужем на все сто. Хотя как-то утереть ему нос, не показывать, что он меня уни-чтожил своей изменой.

А ведь не утерла я ему никакого носа. Даниэль смотрел на меня, как на грязь на ковре.

Когда я стала для него пустым местом?

И что такого я у него попросила, что он так себя повел? Хотела договориться по-человечески, уволиться. Но он же невменяем, с ним ни о чем не договоришься. Там ни грамма чувства вины, он будто бы мечтает сделать мне как можно больнее, как можно сильнее меня уязвить.

Я никогда не думала, что Даниэль такой. Считала его благородным, дура...

Спешу к лифту, и тут меня будто окатывает ледяной водой.

Из лифта выходит моя свекровь под ручку с той самой беременной брюнеткой, что я видела на фото с Сирануш.

Та самая девица, которой Даниэль сделал ребенка.

Она почти на голову выше, волосы у нее невероятные, доходят практически до талии, пышные. Сама девушка выглядит очень надменной, и живот такой круглый...

Не передать словами, как я мечтала тоже важно ходить с таким же круглым животиком. Носить ребенка Даниэля...

Не судьба.

Смотрю на нее, и мне хочется умереть от раздирающей душу боли.

Резко разворачиваюсь и спешу к лестнице.

Игнорирую взгляд свекрови.

Как же быстро она сдружилась с новой будущей мадам Дживанян.

Глава 12. Новые правила игры

Даниэль

Я все еще перевариваю встречу с Катей, когда секретарь сообщает о новых визитерах.

Мать с Зарой!

С силой сжимаю челюсти.

Что им могло понадобиться? Отчаялись поймать меня дома для промывки мозгов?

Их приход максимально не вовремя.

Хотя, как оказывается, визит матери и будущей жены — отличный способ убить мое либидо. Желание заняться сексом исчезает, как и не было.

Я поднимаюсь им навстречу, приглашаю пройти в кабинет.

— Добрый день, дамы, чем заслужил ваш визит?

Зара скромно опускает взгляд и молчит.

Однако не молчит мать:

— Даниэль, ты что, до сих пор не уволил Катерину? Мы только что столкнулись с ней у лифта!

Вот же черт.

Трудоустройство моей супруги — последняя тема, какую хотел бы обсуждать.

Свожу брови у переносицы.

Мать тем временем продолжает:

— Катерина и раньше была девочкой не очень воспитанной, а сейчас и вовсе! Она даже не поздоровалась, Даниэль.

Мать говорит это так, будто Катя совершила смертный грех.

Интересно, она действительно не понимает, почему невестка могла с ней не поздороваться? Это ж надо было догадаться — припереться сюда с Зарой, пока я еще даже не развелся.

— Если бы ты пришла одна, уверен, она поздоровалась бы, — пожимаю плечами.

Ведь с понятиями этикета у Катерины все в порядке.

Мать моментально вспыхивает, как и Зара.

Однако Зара очень быстро с собой справляется, снова прячет взгляд. Не отстаивает свое право являться ко мне в офис незваной гостьей. За нее это делает мать.

— А ты не подумал, что Зарочке может быть неприятно столкнуться нос к носу с Катериной? Она, конечно, не скажет, ведь девочка воспитанная. Но надо же понимать такие вещи.

Тихо начинаю закипать.

Как по мне, если не хочешь с кем-то столкнуться, нечего приходить к этому человеку на работу.

И вообще, я бы хотел удерживать подробности нашего с Катей развода в семье, не выносить на люди. А для этого мне совершенно не нужно с треском увольнять бывшую жену.

Пусть себе работала бы. Это бы лишний раз доказало, что развелись мирно, никто ни к кому претензий не имеет, и обсуждать тут нечего.

— Я не собираюсь увольнять Катерину, — говорю твердым голосом. — Она безупречный работник, и тот факт, что мы с ней разводимся, никак не отразится на ее работе. А Зара, как умная и воспитанная девочка, должна бы понимать, что бизнес и личная жизнь не смешиваются.

Я награждаю тяжелым взглядом сначала мать, потом Зару. Заре хватает ума смолчать.

А вот мать продолжает возмущаться:

— Сынок, что за глупости ты говоришь? Разве можно оставлять под боком бывшую жену, это нонсенс!

— Мама, я не понимаю, с чего вдруг ты решила вмешаться в то, как я управляю компанией, — строго на нее смотрю.

Она понимает, что перегнула палку. У нас в семье не принято, чтобы женщина лезла в мужские дела.

— Что ты, Даниэль, я ни в коем случае...

— В таком случае зачем ты раздаешь мне советы по поводу кадров? Мне лучше знать.

Она явно очень хочет поспорить. В то же время опасается. Решаю не давать матери и шанса.

— Дамы, мне, конечно, безумно приятно вас видеть, но дела зовут. Вы зачем сюда пришли?

— Сынок, мы пришли пригласить тебя посмотреть варианты квартир. Вам же с Зарочкой надо где-то жить, правда?

Или же ты передумал по поводу дома, где жил с предыдущей женой?

Не могу представить, как буду жить там с кем-то другим.

— Дом будет выставлен на продажу, — качаю головой. — Квартира на первое время — неплохой выход.

— Мы с мамой и папой выбрали самый приемлемый вариант, — начинает Зара с робкой улыбкой. — Если ты только найдешь время посмотреть, мы могли бы заключить сделку...

— Квартира хорошая, — кивает мать. — У наших будущих родственников великолепный вкус. Кстати, туда можно въезжать хоть сейчас.

А вот это уже интересно.

Мне осточертело жить с родителями.

— Думаю, это хорошая идея, я перееду первым, обживусь там, все обустрою. А потом уж после свадьбы можно невесту в дом.

— Папа разрешил мне переехать сразу к тебе, — тихим шепотом говорит Зара.

Обалдеть, блин.

Щедрое предложение.

Глава 13. Соленые огурцы

Катя

Я притаскиваю в свой новый дом несколько пакетов продуктов из супермаркета.

Ругаюсь про себя, увидев, что на лестничной клетке до сих пор дико грязно. И вроде бы закончили вчера в соседней квартире с выносом строительного мусора, а никто так и не прибрал. Как так?

Торможу у новой черной двери, которая теперь стоит на страже моей квартиры. Нажимаю на звонок, в надежде, что его починили.

Мама там, она открывает дверь, охает, увидев, сколько всего я принесла с собой.

Аккуратно снимаю босоножки, ставлю у самого коврика, чтобы не натоптать в чистой прихожей, которую мама явно недавно вымыла.

— Пойдем чай пить, — приглашаю ее. — Я пирожных купила.

И шоколадки.

И печеньки.

И зефирки.

И даже соленые огурцы, три банки. Что-то так захотелось, ужас просто.

Мама оказывается рада возможности поговорить со мной. Подхватывает один из моих пакетов, идет на кухню.

— Я тебе там как раз заварила ромашковый чай, от нервов, тебе пригодится.

Захожу на кухню.

Тут и вправду витает аромат ромашки, а заодно и моющих средств. Мама оторвалась по полной, кухня буквально вылизана.

— Ты и тут прибралась? Спасибо тебе, — тяну я с чувством. — Большое человеческое спасибо.

— Да не за что, — машет рукой мама. — Я тебе еще суп сварила, в холодильнике стоит. С индюшачьей шейкой, как ты раньше любила... До того, как сошлась со своим троглодитом, любителем деликатесов. Ему-то простых блюд не надо, все самое лучшее подавай, барин, видите ли...

Ну началось.

Раз мама открыла варезку, ее уже не закрыть.

И все же делаю слабую попытку сдержать лавину ее негодования по поводу моего совсем не умного выбора спутника жизни:

— Мамочка, пожалуйста, не пили меня сегодня, ладно? Никаких моральных сил...

Говорю это и плюхаюсь на табуретку, что стоит возле стола.

Мама внимательно ко мне присматривается.

А видок у меня еще тот...

Нет, нет, внешне все прилично. Белая блузка, юбка, прическа даже не растрепалась. Но помаду я всю съела, губы искусала, за малым не начала грызть ногти. А в душе такой раздрай...

Наверное, мама видит, что держусь из последних сил, потому что вдруг говорит:

— Да не буду я тебя пилить... Че тебя пилить-то... Тронь, и сломаешься. А тебе сильной надо быть!

Сильной надо, факт.

Я сегодня целый день была сильной. Чуть порыдала в туалете после славной встречи со свекровью и пошла работать. Начальник как с цепи сорвался, надавал мне кучу заданий, счастливый оттого, что я вынуждена отработать в фирме еще две недели.

А мне не работать хотелось.

Мне хотелось устроить в офисе разгром и сбежать.

До персонала еще не дошла информация, что мы с Даниэлем разводимся. И если бы я ушла сегодня, то, скорее всего, избежала бы всего того прекрасного, что меня ждет, когда все вскрыется. Сочувственные взгляды, вопросы из разряда «А что так?» или «Почему же вы разводитесь?», а возможно и злорадные смешки за спиной.

И ведь придется что-то объяснять...

У меня есть на работе друзья-коллеги. Найдется пара-тройка человек, с кем я делилась по поводу своих проблем с зачатием. Ведь человеку нужно с кем-то делиться,

верно? Мне давали советы, сочувствовали. А теперь, когда станет известно, что Даниэль ушел к любовнице, которая ему родит, всем и каждому станет ясно, что я не состоялась как женщина.

Я и женщиной-то себя не ощущаю теперь.

Неполноценная, не способная выполнить свое предназначение.

Стоит только обо всем этом подумать, как наворачиваются слезы.

И главное — у мужа на плече не порыдаешь, потому что нет у меня больше мужа!

Стоп. Не рыдать. Быть сильной!

А надое-е-ело...

Хочется, как в детстве, свернуться калачиком на кровати, укрыться одеялом, и чтобы никто-никто тебя не трогал, не обижал, ну и чтобы конфет под одеяло подкинули.

— Мама, я сегодня видела его новую... — все-таки не удерживаюсь от душераздирающего признания. — Холеная такая, волосы до задницы, а в глазах столько превосходства... Ну правильно, отжала мужа у бесплодной меня... Он как про ребенка узнал, в один клик со мной решил развестись. Значит, я ему совсем не дорога была, так?

Мама садится рядом, достает из коробки эклер с заварным кремом. Задумчиво откусывает и сообщает:

— Да не хочет он с тобой разводиться, Кать...

От этой ее фразы я выпадаю в осадок.

— К-к-как это — Даниэль не хочет со мной разводиться? — тарашусь на нее, как на инопланетянку. — Мам, с чего ты это взяла? Ты думаешь, я из дома просто так ушла, что ли? Он пришел и сказал — развожусь! У него беременная любовница, ты забыла, что ли? Я ж тебе про нее сейчас говорю.

— А кто в итоге подал на развод? Ты. — Мама тянет вверх указательный палец.

— Какая разница? Ну не подала бы я, так он бы подал... Мама качает головой:

— Он как в попу ужаленный на следующий день тебя искал, беспокоился. Дверь тебе в квартиру взломал. По твоим же словам, из фирмы тебя отпускать не хочет. Что ему стоило уволить тебя задним числом? А не уволил. И мне звонил сегодня ночью, сообщить, что с тобой все хорошо, чтобы я не волновалась. Сказал мне, что у тебя нет подзарядки, но он тебе ее купит. Вот оно б ему надо было, если бы ты ему была не нужна?

Смешно, но я вправду нашла новую подзарядку сегодня рано утром в пакете перед дверью. Только разве это повод думать, что он не хочет развода? Скорее уж жест виноватого человека, чтобы как-то оправдаться. Смотри, какой я хороший, я тебе помогаю! И невдомек ему, что подзарядка никак не идет в противовес тому, что он выбросил меня из своей жизни, как ненужную вещь.

— Так если я ему нужна, зачем же он со мной разводится? Зачем уходит к другой? — спрашиваю со стоном.

— Потому что дурень, — качает головой мама. — Оно всегда так кажется, что на другом дворе трава зеленее. Вбил, небось, себе в голову какую-то ерунду, или ему вбили, что скорей всего. Человек ведь он каков, как бы хорошо ему ни было, а кажется, что может быть еще лучше где-то, с кем-то... Дурость молодых. А ведь ему хорошо было с тобой в браке. Сейчас он окончательно сообразит, что теряет тебя навсегда, и начнет вокруг тебя круги нарезать. Поверь матери, я жизнь прожила, я знаю.

У меня после ее слов в груди болезненно ухает. С чего она взяла, что такое будет? С чего?!

— У него будет ребенок, — развожу руками.

— Если бы он ту холеную любил, давно бы к ней ушел, ведь у нее уже пузо на нос лезет. Получается, не так уж она ему и дорога, верно? А когда это дети удерживали мужиков рядом с нелюбимыми? — хмыкает мама.

Последнее — ее больная тема, ведь наличие меня не удержало с нами моего папу.

— А даже если так, — обиженно морщусь. — Зачем он мне потом после всего? Он меня предал! Спал с этой своей... Я его никогда не прощу! Да и не придет он никогда прощения просить, гордый слишком...

— Это уже твое дело, прощать или не прощать, — кивает мама. — Только вот сдается мне, явится твой Даниэль к тебе в ближайшем будущем, будет обратно замуж звать.

У меня пробивается истерический смех.

— Мам, ты не видела, как он на меня сегодня смотрел! Как будто я пустое место вообще...

— Я тоже могу всяко на человека посмотреть, но это не будет значить, что он для меня пустое место, — качает головой мама.

Слушаю ее и не понимаю, откуда у нее в голове такие сумасшедшие домыслы.

Открываю банку огурчиков. Выбираю самый большой и, на мой взгляд, аппетитный. Достая, с аппетитом вгрызаюсь, хрущу им. Вкусный, зараза... Абсолютно на автомате закусываю огурец эклером. Во рту получается атомная смесь. Первый позыв — выплюнуть в раковину. Но уже через секунду сочетание сладкого и соленого начинает нравиться, да это практически «Твикс Соленая Карамель».

Наливаю себе ромашкового чая, запиваю этот коктейль вкусов.

Рука сама тянется за новым огурчиком.

Мама внимательно смотрит на эти мои манипуляции.

Спрашивает с интересом:

— Катюш, зайка, а ты не беременна случаем?

Замираю с недоеденным огурчиком в руке.

— Мам, ну зачем ты на больное, просила же!

Снова запиваю огурчик ромашковым чаем.

Мама смотрит на меня с недоумением:

— Давно огурцы так трескаешь?

— При чем тут огурцы вообще? — мгновенно вспыхиваю.

— Да ни при чем, — сдает позиции она. — Но вы же спали в твою последнюю овуляцию? Вдруг ты забеременела?

— Очень смешно, мам! Иди домой, пожалуйста...

Говорю это и сама давлюсь своими словами.

Мама на меня потратила целый день.

Примчалась ни свет ни заря, контролировала установку двери, потом прибрала прихожую, еще кухню выдраила, приготовила еды, а я с ней так грубо.

— Извини, мам, — тяну, чуть не плача. — Просто сил никаких, вот вообще. Поем и спать...

— Ешь, ешь, — кивает она. — Ладно, пойду.

Она быстро собирается.

— Вот помяни мое слово, придет твой архаровец в ножки тебе кланяться, прощения просить.

С этими словами мама уходит.

А я...

А я хотела бы посмотреть Даниэлю в глаза, если бы вправду пришел просить прощения.

Глава 14. Зашибись

Даниэль

Я раскладываю вещи в спальне нашей с Зарой новой квартиры.

И вправду подвернулся хороший вариант. Просторные четырехкомнатные апартаменты с отличным расположением. Меблированные. Кате бы понравилось...

От последней мысли мне хочется удариться лбом об зеркальную дверцу шкафа.

Когда я перестаю думать такими категориями?

Так... У меня все хорошо, у меня все просто зашибись. Повторяю себе это в который раз за бесконечный день. Продолжаю разбираться с насущными вопросами.

Сегодня заехал домой за вещами, привез сюда. Много не брал, только самое необходимое, чтобы долго не возиться. Остальное перевезет соответствующая служба.

Развешиваю рубашки, пиджаки и с неудовольствием понимаю: будь здесь Катя, мне о вещах даже думать не пришлось.

— Зара! — громко зову.

Она является с милой улыбкой.

Живот гладит, смотрит на меня с нежностью.

Чувствую укол совести.

Первое — я не испытываю ни малейшей нежности в ответ. Причем как к Заре, так и к ее животу. Для меня это пока не ребенок, а что-то абстрактное. Что-то, из-за чего мне пришлось послать подальше всю свою прошлую жизнь.

Второе — это я сейчас вправду хочу заставить глубоко беременную девчонку возиться с вещами? Нагибаться, тянуться к вешалкам... Как-то неправильно, что ли. Я ведь не беременный, и пузо у меня на нос не налезит, мне проще с этим разобраться в разы.

— Зара, завтра найди домработницу, которая будет отвечать за порядок.

— Конечно, конечно, — кивает она и замирает на месте, скромно сложив руки.

Ждет дальнейших указаний? Вот это я понимаю вышколенная!

— А что ты там делала? — машу головой в сторону кухни.

— Ужин, — она улыбается.

Ого, меня решили покормить.

Есть не хочу, у меня во рту который день стоит привкус желчи. Но поужинать надо, конечно. Может, аппетит придет во время еды?

— Что в меню? — спрашиваю ее.

— Все, что ты любишь, — отвечает она и снова скромно замолкает.

Хм, мне становится интересно.

— Показывай.

Шагаю за ней на кухню, которая здесь совмещена со столовой. Получилась большая комната с круглым столом посередине.

Стол Зара уже накрыла, причем вполне сносно. Откуда-то взяла тарелки, столовые приборы. Я ничего этого не покупал, наверное сама справилась.

— Твои любимые стейки с кровью, — говорит Зара с гордостью. — На подушке из овощей, к ним томатный соус с базиликом. Попробуй, пожалуйста. Еще салат...

Присаживаюсь за стол, отрезаю кусочек мяса, отправляю в рот.

Вкус вполне сносный, хоть что-то моя будущая жена умеет.

Киваю ей, и Зара спешит сесть напротив.

— Приятного аппетита. — Она поглядывает на меня с улыбкой.

— Ты неплохо справилась, — отмечаю. — А когда ты успела это приготовить? Мы ведь всего полчаса назад как приехали...

— Я еще по дороге сюда все заказала, — сообщает она с очередной подобострастной улыбкой, которая, честно сказать, начинает уже подбешивать.

И с чего я решил, что она сама приготовила? Потому что так сделала бы Катя? Но не все же должны делать так, как она.

Зара очень довольна похвалой, не замечает моей реакции

на признание о том, что еда из ресторана, а не лично приготовленная. Берет стакан, до краев наполненный водой, и преспокойно пьет.

В первую секунду подвисяю, на задворках сознания вертятся ее слова про аллергию на воду.

— Ты спокойно пьешь воду? Это не спровоцирует твою аллергию?

Она кажется удивленной, хлопает длинными ресницами, будто даже не понимает, о чем я.

Напоминаю:

— Ты как-то говорила, что у тебя аллергия на воду, или я неверно понял? Кстати, а как ты купаешься при твоей аллергии? Ты пьешь антигистаминные? На плод не влияет?

Зара морщит лицо, прячет взгляд, потом тянет:

— Наверное, надо объяснить. Я спокойно могу пить воду или купаться, ничего такого со мной не случается, и никаких препаратов это не требует. Но у меня выступает серьезная аллергия на руках, если вожусь на кухне, руки соответственно долго находятся в воде, соприкасаются с грязью, моющим средством. Все началось с одного случая... Как-то раз мы гостили у бабушки в Ереване, так вот она хотела научить меня готовить долму. Я провозилась с ней три часа, у меня все пальцы покраснели, потом кое-где кожа потрескалась даже. Так бабушка еще и перчатки на меня напялила. Только это ухудшило дело. В общем, нельзя мне такое... Понимаешь? С тех пор избегаю подобных вещей.

— А-а... — тяну с пониманием.

Значит, пьем мы спокойно, купаемся тоже, но как надо что-то приготовить или помыть, тут у нас аллергия.

Хитро, в общем-то. Лайфхак практически.

Но мне все равно, честно.

Никак не комментирую рассказ Зары, пытаюсь впихнуть в себя стейк.

Заодно в очередной раз убеждаю себя, что все в порядке.

У меня новая квартира, новая жена, в перспективе ребенок. Как только я возьму его на руки, сразу пойму, что оно того стоило. Прямо как мой отец, когда взял меня на руки и понял, что живет не зря... Он так ярко это рассказывал, что я невольно проникся.

То, что ребенок мой, — сомнений никаких. Я ведь не пальцем деланный. Как только мне заявили о ребенке, я сразу потребовал ДНК-тест. Сам звонил в клинику, которой доверяю свое здоровье уже много лет, при мне у Зары делали забор крови. Я сам лично ездил сдавать анализ. Все чин чинарем, плод мой с вероятностью девяносто девять и девять десятых процента.

В общем, скоро стану счастливым отцом. Точно. Сто пудов. Радоваться надо.

Вот только к концу дня сила убеждения, что со мной все окей, неумолимо гаснет.

Я ведь не так все планировал, не того хотел...

Чтобы с Катей врагами!

Я ж с ней по-человечески хотел расстаться, по-людски. Цивилизованно, мать ее так!

Квартиру ей купить, работой обеспечить, выделить средства на новую жизнь.

Меня б, может, тогда совесть так не ела.

А Катя...

Я с ней в холле встретился сегодня днем, так она сделала вид, что меня не знает вообще.

Меня! Собственного мужа...

Ее равнодушие просто убивает.

Оно невыносимо!

И то, как она ушла от меня...

Это больно после четырех лет счастливого брака выяснить, что жене ты на хрен не сдался.

Она попросту не любит меня, поэтому так и отреагировала на все.

Нет, я понимаю ее обиду. Я накосячил знатно, сам бы на ее месте обиделся насмерть. Ни за что бы такое не простил. Нагулянный ребенок да и измена в принципе — это конец отношениям, тут и спора быть не может.

Но я бы обижался громко! Я бы на ее месте злился, скандал устроил с битьем посуды. Орал бы как потерпевший, оскорбления в лицо бросал.

Эта реакция с ее стороны была бы мне понятна.

А она что? А ей все равно, похоже.

Избавилась от меня, руки отряхнула и дальше живет.

Увольняться собралась...

Может, еще к конкурентам устроиться?!

Мне искренне непонятно, почему я должен все это глотать.

— Тебе не понравился стейк? — спрашивает Зара, хлопая ресницами. — Ты полчаса над тарелкой сидишь и ничего не съел.

Я будто прихожу в себя от ее слов.

Смотрю в тарелку, а там и правда почти все цело. Стейк невозможно остыл, да и аппетит так и не появился.

— Я устал, пойду спать.

С этими словами кладу на стол приборы, поднимаюсь и ухожу в спальню.

Любуюсь на разложенные на кровати рубашки.

Развешиваю их.

Уже и вправду собираюсь раздеться да завалиться в кровать, как вдруг в комнату заходит Зара.

— Поможешь расстегнуть?

С этими словами она поднимает волосы наверх, становится ко мне спиной, демонстрируя молнию на платье.

Веду язычок молнии вниз, расстегиваю до талии.

Отхожу от нее, оглядываю комнату в поисках телефона.

— Что ты ищешь? — спрашивает она.

— Телефон где-то посеял...

— Он в прихожей на полочке, — сообщает Зара.

— Ага, спасибо.

На автомате поворачиваюсь к ней и обалдеваю от увиденного.

Платье лежит у ее ног, она аккуратно вышагивает из него. На самой лишь лифчик, черные чулки и трусики.

— Может быть, тебе не нужен телефон? — кокетливо тянет Зара и демонстрирует мне себя в лучшем ракурсе.

А-а... вон оно как. У нас в меню не только стейк, но еще и секс.

Пялюсь на ее фигуру.

Она не уродливая, нет. Большая грудь, стройные ноги, торчащий вперед живот, что логично на ее сроке.

И будь мы классической семейной парой, счастливо женатой какое-то время, я бы без сомнения ее взял.

Но...

— Нет, я так не могу, — качаю головой и спешу вон.

— Даниэль, ты куда? — охает Зара. — Я думала, мы с тобой...

— Я не могу так, Зара! — резко повторяю. — Извини.

Ничего больше не объясняю, просто ухожу.

Глава 15. (Не) кричи

Даниэль

Через сорок минут я уже на месте.

Стою возле новой черной двери. Про себя отмечаю, что хоть в чем-то Катя меня послушалась, установила железную, надежную.

Стучу.

Не знаю, откроет ли.

Но пока не поговорю с ней, отсюда не уйду.

Слышу в прихожей ее шаги, вижу свет в глазок.

Не открывает. И звука не издает.

Неужели думает, я вот так просто уйду?

— Катя, прятаться от меня за дверью неэффективно, я думал, ты еще вчера это поняла.

— Я полицию вызову! — заявляет нахалка с той стороны двери.

— Давай, — соглашаюсь. — Вот только они неохотно приезжают на семейные ссоры, а по документам мы с тобой все еще женаты, милая.

— Что тебе надо? — спрашивает она недовольно.

— Поговорить с тобой хочу...

Я знаю, что веду себя как упертый баран, но как с ней иначе? Она же по-другому не идет на контакт. А я без нормаль-

ного, человеческого контакта с ней скоро поеду кукухой.

Наконец я слышу, как открывается замок.

Катя распахивает дверь, нехотя отступает в прихожую, давая мне возможность пройти.

Жадно на нее смотрю.

Катерина в домашних шортах и черной футболке, испачканной чем-то белым спереди. А в руке у нее недоеденный кусок огурца.

Она буравит меня недовольным взглядом и как ни в чем ни бывало откусывает кусок огурца, хрустит им.

Ишь ты, потревожил королевну, которая изволит трапезничать... Огурцами.

— У тебя тут пятно, — указываю ей на грудь.

— Ой, это крем от пирожного, наверное, — заявляет она и трет пятно пальцем.

Это оказывается последней каплей.

Я тут с ума схожу, переживаю за нее, а она...

— Ты нормальная вообще? Спокойно дома сидишь, пирожные трескаешь, когда я...

Говорю это и затыкаюсь.

Потому что даже мне это кажется бредом, а ей покажется и подавно. Всерьез предъявлять бывшей, что она не страдает по поводу развода? Я двинутый... Но, черт подери, именно это мне и хочется сделать.

Взять ее за плечи и заорать в лицо: «Почему ты меня не любила?»

Ведь только женщина, которой плевать на мужа, уйдет так спокойно, как сделала это она. А я пять лет из кожи вон лез, чтобы она меня любила. Неужели ничего не ценила?

Катя наконец проглатывает огурец и спрашивает:

— Ты чего бесишься, Даниэль? Что такого я тебе сделала? Я вообще тебя не трогала... Никак!

Вот именно.

Она дома сидит и не трогает меня. Никак.

Для меня нет худшей пытки, чем ее равнодушие.

— Меня убивает твое безразличие! — начинаю с места в карьер. — Неужели тебе настолько плевать на меня? Собрала вещи по-тихому и слиняла в ночи. Хоть бы для приличия скандал устроила, что ли! Ты ведешь себя так, будто ты рада нашему разводу!

Катя таращится на меня, как на идиота, а мне плевать. Пусть я буду трижды идиот в ее глазах, но сказал именно то, что хотел сказать.

— Даниэль, ты чего? — наконец оживает она. — С чего ты решил, что я рада разводу? У меня радостное лицо, или что? Где я порадовалась, что мы разводимся?

— Ты не переживаешь совсем, ты ведешь себя так, будто все нормально. Будто тебе вообще фиолетово, что мы разводимся. Это так, Катя? Тебе похрен?

— Слушай, ты что от меня хочешь? — начинает злиться она. — Чтобы я вскрылась при тебе, что ли? Тогда ты будешь доволен? Жена достаточно пострадала от того, что я ее

бросил, так что ли? Или, может, мне об стену башкой надо биться? Что надо сделать, Даниэль?

— Не надо ни обо что биться, но хоть немного показала бы, что я тебе был важен! Вместо этого ты как будто осталась довольна нашим разводом. С тобой все окей! Со мной не окей, а с тобой окей. Ты вообще любила меня хоть немного?

— Со мной ничего не окей! — вдруг кричит она. — От меня ушел любимый, драгоценный муж. Я в нем души не чаяла, не знаю, как теперь буду жить... Я самое дорогое потеряла...

Она говорит это и шумно всхлипывает, будто из последних сил держится, чтобы передо мной не разрыдаться.

Боже, как же это все неправильно.

— Катя я... — говорю это и затыкаюсь.

Потому что ответить мне нечего. Чувствую ее боль, и она созвучна с моей.

— Я одна теперь, понимаешь? — продолжает Катя. — Я лишилась самого дорогого человека, вокруг которого крутилась вся моя жизнь. А ты мне даже оплакать эту утрату спокойно не даешь!

— Ты никого не лишилась, я здесь, с тобой... — Эти слова выпрыгивают из меня как чертик из табакерки. Их никак не удержать.

— А ты не он! — вдруг выдает она. — Так что не надо тут павлином хвост распушать! Ты не мой муж, он у меня

хороший был, самый лучший. А ты — козлина, который спит с кем попало и треплет мне нервы. Я не за такого мужчину замуж выходила!

Сколько эмоций...

Они такие живые.

Они такие вкусные!

Я так и знал, что нужен Кате.

Меня буквально трясет от желания впиться в ее губы.

— Катя, я люблю тебя, — с жаром говорю.

Потому что нет смысла скрывать, оно по моей роже видно.

— Даниэль, ты передумал разводиться? — спрашивает она в лоб.

Глава 16. (Не) могу потерять

Катя

— Я не могу тебя потерять, — заявляет мне Даниэль.

Выпадаю в астрал от этих его слов.

Ведь последние двое суток я внушала себе, что между нами все кончено. Что Даниэль — козел, который бросил меня ради другой.

О, он, без сомнения, великий козлище, королевский.

Но как же мне приятно слышать эти его слова. Что он не хочет меня потерять, что нужна ему...

Кусочек недоеденного огурца с тихим стуком выпадает из моей руки прямо на пол прихожей.

Я, кажется, уже совсем ничего не соображаю.

Только смотрю на Даниэля с глупой надеждой, что он сейчас что-то такое скажет или сделает, что каким-то образом заполнит ту черную дыру внутри меня, которая высасывает душу. И не будет никакого развода, беременной любовницы, нагулянного ребенка...

Я нервно сглатываю, когда Даниэль делает шаг ко мне.

В его глазах столько решительности, столько желаний, что у меня внутри все сводит сладкой судорогой.

Я ненавижу его за все, что он сделал со мной, с нами, и в то же время отчаянно хочу, чтобы он все это исправил. Не

знаю, как. Как-то... Чтобы наконец прекратилась эта адская боль.

— Не могу потерять, — продолжает твердить он.

— Даниэль, я...

Не знаю, что ему сказать.

Я устала.

Я — девочка, в конце концов. Я хочу на ручки и платье, а не вот эту вот всю взрослую жизнь, где надо нести ответственность за каждое свое решение.

— Иди ко мне, Котенок. — Он манит меня руками.

Сгребает в объятия, покрывает лицо поцелуями.

Мне так хорошо, что хочется мурчать от удовольствия. А думать совсем не хочется. Нисколько. И анализировать тоже.

Я в восторге от того, что происходит с моим телом. Насквозь пропитываюсь эндорфинами в руках Даниэля.

Он задирает мою футболку, засовывает руки под мягкую хлопковую ткань, гладит кожу, страстно целует. Схожу с ума от его поцелуев, они у него космические.

Не знаю, как бы у меня было с другим мужчиной. У меня ведь никого, кроме него, не было.

Только Даниэль.

Мы познакомились, когда мне едва исполнилось девятнадцать. Я тогда училась много и вообще боялась парней. А он оказался такой упертый, что попросту смял мою защиту своими настойчивыми ухаживаниями. И шанса избежать от-

ношений с ним не дал.

Впрочем, сейчас он поступает ровно так же.

Я всеми силами пыталась от него отгородиться, а он пробил тараном мои ограждения, и теперь я снова таю в его руках.

Подруги говорили — повезло, что первый мужчина и так с ним хорошо. Советовали, чтобы держалась за него, ведь хорошие мужики — редкость, а некоторым вообще оргазмы только снятся. Я же получала их как по расписанию.

Вот и теперь плавлюсь от жгучего, почти невыносимого удовольствия.

Голова совсем отключается.

Даже понять не успеваю, как Даниэль поднимает меня, прижимает к себе. Просто обвиваю его тело, как обезьянка. Липну к нему в предвкушении наслаждения, которое он обязательно мне подарит.

Мы целуемся как потерпевшие, мне сладко так, что хочется стонать в голос.

Даниэль опускается со мной на диван в гостиной, ставит спиной к себе, буквально сдирает с меня шорты. Сам и вовсе не раздевается, лишь расстегивает и приспускает брюки. Это все, что требуется ему для состыковки со мной.

Секунда, и мы — одно целое. Мне так от этого хорошо, что я постанываю ему в такт.

Обалденно прекрасно!

Но все кончается так быстро, что я даже не успеваю как

следует распробовать процесс.

Раз и кто-то забрал все удовольствие. Раз, и закончилось.

Будь все как раньше, мы с Даниэлем пошли бы вместе в душ, потом завалились в спальню и продолжили страстно любить друг друга. Потом поужинали бы и занялись этим еще раз на кухне или где-то еще. В нашем доме не осталось мест, где мы не попробовали сделать друг другу приятно.

Но это раньше, а сейчас...

Сейчас у меня в голове пульсирует одна лишь мысль, которую спешу озвучить:

— Даниэль, ты все-таки не ответил прямо. Ты передумал разводиться?

Он замирает, застегивая брюки.

Смотрит на меня с такой болью, что мне делается не по себе. Это не тот взгляд, который хочешь получить от мужа после занятия сексом.

Снимаю со спинки дивана клетчатый плед, заворачиваюсь в него, сажусь с ногами на диван и продолжаю смотреть на Даниэля.

Он встает, поправляет рубашку и выдает:

— Кать, пойми меня сейчас правильно, пожалуйста. Я не могу так поступить со своим ребенком. У меня других, может, и не будет никогда. Один только, мальчик...

С ужасом понимаю, он ведь и не собирался отменять развод. Просто поймел меня, и все.

У меня внутри все ломается, крошится.

Мне так больно в эту минуту, что я даже не в состоянии говорить.

Даниэль тем временем продолжает нести свою околесицу:
— Я не люблю ее, она нужна мне только из-за ребенка. Я тебя люблю, Кать. Ты тоже меня любишь, так что нам нет никаких резонов расставаться. Давай выйдем из этой ситуации с наименьшими потерями. Я куплю тебе квартиру, буду содержать как раньше. Ты и Зара — две плоскости, которые не будут пересекаться. Господи, Кать, да прекрати ты рыдать!

Только сейчас понимаю, что по моим щекам бегут слезы.
— Там меня держит только ребенок! — Даниэль повышает тон. — Глупо ревновать к ребенку, Катя...

Обалдеть, как он повернул.

Это я — глупая женщина, которая ревнует его к ребенку. То есть он планировал продолжать со мной спать, а потом ехать к ней? Баюкать нагулянного в браке младенца, наслаждаться семейной жизнью. А на следующий день опять ко мне? Или ко мне только раз в неделю? Или по нечетным дням? В общем, когда захочет секса или острых эмоций, как сейчас, тогда и прибежит.

Неужели я действительно поверила пятнадцать минут назад, что между нами еще не все кончено, что мы можем попытаться что-то исправить...

Нет больше нас.

Есть я и есть подонок, который только что вытер об меня ноги.

И я позволила ему это.

— Пошел вон из моей квартиры. — Сама удивляюсь, как твердо звучит мой голос.

Я сказала это достаточно громко, но Даниэль будто не услышал меня. Он стоит и смотрит на меня с упрямым видом. От этого его вида у меня даже высыхают слезы.

Подскакиваю, нахожу трусы в уголке дивана, спешно натягиваю.

А потом тычу пальцем в сторону прихожей и кричу:

— Пошел вон из моей квартиры!

Но когда такое было, чтобы Даниэль слушал.

— Катя, я же тебе только что все объяснил, — машет он руками. — Давай сохраним отношения!

— Какие отношения? — с недоумением на него смотрю. — Ты убил наши отношения. Нас...

— Не носи чушь, — твердит он, нахмутив брови. — У меня с Зарой было всего один раз. Неужели тот один раз стоит пяти лет отношений с тобой, ты правда так мало их ценишь?

— Это не я их мало ценю. — Теперь уже я упираю руки в боки. — Это ты их не ценишь, раз предлагаешь мне такое...

— Какое такое? — шумно дышит Даниэль. — Не бросать друг друга? Сохранить то волшебное...

— Я не буду твоей подстилкой! — перебиваю его. — Неужели это не ясно? Если это твое гениальное решение всех проблем, то оно мне не подходит, так и знай!

— А что я сейчас должен делать, Катя? — спрашивает он

с болью в голосе. — Наплевать на собственного сына? Пропляпнуть единственный шанс стать нормальным отцом? Мне ж его не дадут воспитывать по-другому...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.